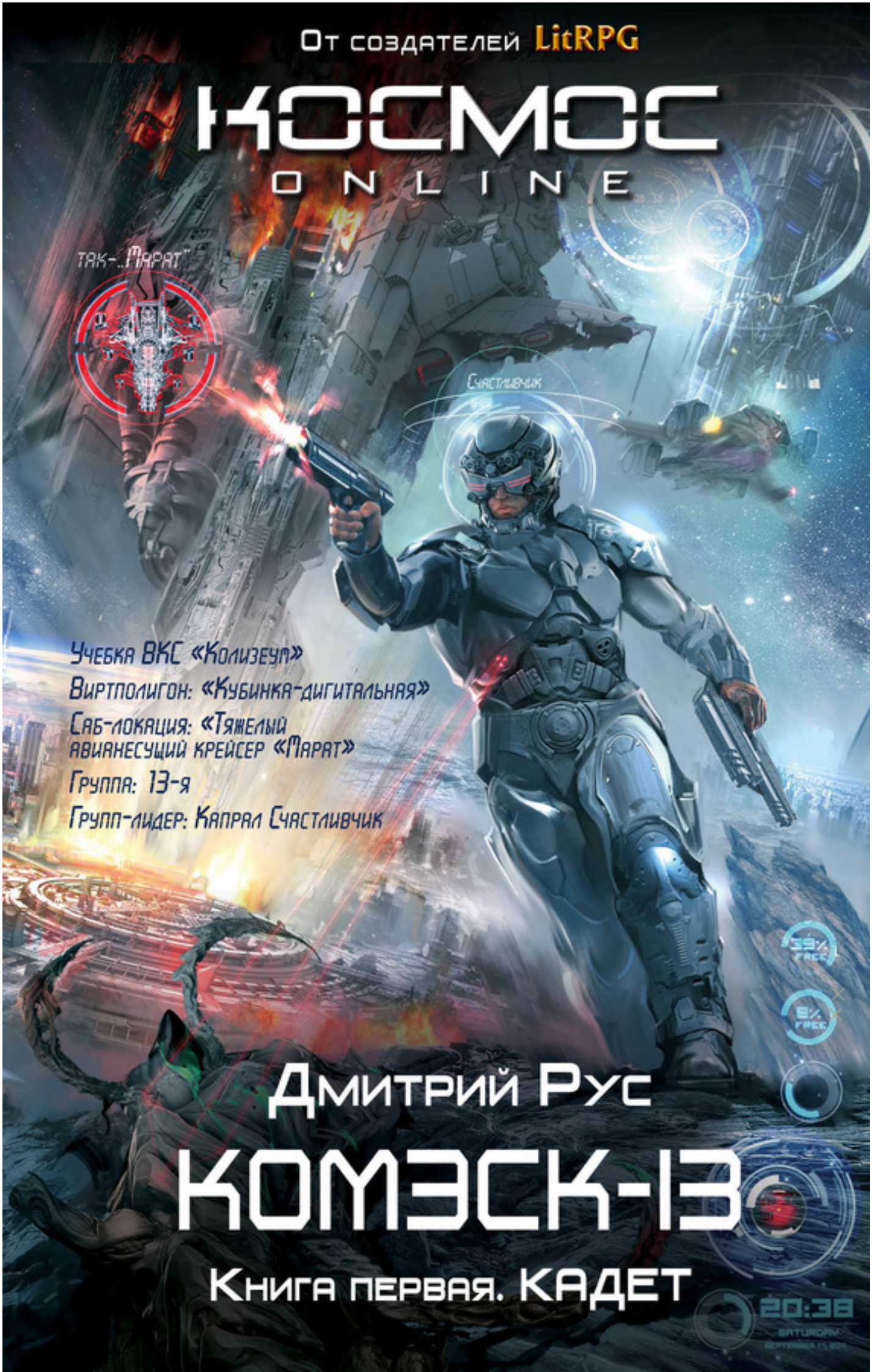
От создателей LitRPG

КОСМОС ONLINE



Дмитрий Рус

КОМЭСК-13

Книга первая. КАДЕТ

Комэск-13

Дмитрий Рус

Комэск-13. Книга 1. Кадет

«Эксмо»
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рус Д.

Комэск-13. Книга 1. Кадет / Д. Рус — «Эксмо», 2015 — (Комэск-13)

Ближайшее будущее. Неопознанный объект появился на орбите Земли и, не реагируя на попытки контакта, принялся щедро засеивать поверхность планеты бесценными артефактами. Выбирай: абсолютное здоровье, десять миллионов долларов либо семь лет тюрьмы согласно свежей поправке к законодательству.В «Ночь Звездопада» Павел со своими друзьями мечется по городу, бросаясь в круговерти скоротечных схваток с озверевшими обывателями и стремясь добыть один из артефактов.Однако так ли уж бескорыстна помощь неведомых инопланетян? Что ждет человека, сжавшего в руке драгоценный кристалл? Где он очнется уже завтра? А что, если, открыв глаза, первое, что он увидит, будет мерцающая надпись: «Загрузка локации: Виртполигон «Кубинка-дигитальная». Добро пожаловать, кадет! Теперь ты – истребитель!»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рус Д., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 18
Глава 4 28
Глава 5 36
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Дмитрий Рус
Комэск-13. Книга 1. Кадет

© Рус Д., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Глава 1

– Банг! Банг! Банг!

Хлесткие выстрелы травмата больно ударили по ушам и с легкостью перекрыли звуки жесткой драки. Толпа озверевших обывателей на мгновение отпрянула, оценивая новую угрозу и ощупывая себя на предмет незапланированных дырок.

Задача не такая простая, как кажется, – крови на искаженных ненавистью лицах хватало, как и скорчившихся на асфальте тел. Вяло копошащихся и абсолютно неподвижных – с пугающими черными лужами вокруг глупых голов.

Тусклый фонарь у заплеванного подъезда старой девятиэтажки давал достаточно света, чтобы разглядеть участников замеса.

Злая драка в формате «все против всех», не так давно сменившая статус на неджентльменское «все против наглых выскочек».

Четверо изрядно помятых парней в потертом и заляпанном кровью камуфляже против трех десятков разнокалиберных ловцов удачи. Сегодняшняя ночь выгнала на морозные улицы всех: обычных работяг и дворовую шпану с мутными глазами, непонятного возраста баб и лишенных внутренних тормозов девочек-подростков.

Ночь Звездопада…

Голубые искры вспыхивали над столицей раз в восемнадцать секунд, экономно засеивая город драгоценными артефактами. Десять миллионов долларов за штуку, абсолютное здоровье либо семь лет тюрьмы, согласно свежей поправке к законодательству.

Кто что выберет и кому как повезет…

– Пашка, в подъезд и на крышу, бегом! Мы прикроем!

Я в тысячный раз проклял нашу безумную идею заполучить инопланетный арт, беспомощно скрипнул зубами, но мгновенно повиновался, не желая делать жертву парней напрасной.

Тридцать секунд, вряд ли больше, и озверевшая толпа втопчет друзей в грязь бетонных ступеней. Настоящих друзей, таких больше не завести, их можно только потерять! Ребят, готовых прикрыть спину, подставиться под срок и густо умыться кровью. Только бы дать мне шанс на исцеление…

Колченогой уткой я рванулся в темный зев парадного. Коленный сустав глухо стукнулся о мятое крыло Сашкиной «Тойоты». Его хромированная гордость парила разбитым радиатором и беспомощно звала на помощь распахнувшимся от удара капотом.

Нет, таранить толпу мы не стали, хоть это и был наиболее очевидный путь к результату. Но ведь не звери мы? Все имеет свою цену, в том числе – и максимальную…

Попытка заблокировать машиной подъезд не удалась, под колеса смело бросилась шустрая старуха, привычно отстаивая свое право на обслуживание вне очереди. Сашке пришлось резко перебрасывать руль вправо, спасая старческую плоть и безжалостно корежа автомобильную жесть о бетон монолитного здания.

Хрипя от натуги, харкая кровью и цепляясь непослушными руками за перила, я штурмовал первый пролет лестницы. Пальцы онемели и почти не слушались. Хоть я и берег спину как мог, но драка против толпы непредсказуема. Пока мы месились с мужиками, какая-то безумная тетка протиснулась вдоль стены и с первородной яростью приложила меня тяжелым костылем.

Искусственные позвонки, не так давно заменившие раздробленные кости, выдержали. А вот пучок тончайшего оптоволокна, худо-бедно дублирующего функции разорванных нервных волокон, явно пострадал.

Руки едва повиновались, дышалось пугающе тяжело, дешевые социальные протезы ног отказывались покорять невысокие ступени. Призрак паралича вновь замаячил на горизонте.

Я с трудом сглотнул вязкую соленую слюну и на ходу впечатал запястье в стену, вдребезги разбивая панически верещащий браслет медицинского мониторинга. Ладно бы он просто пищал, так ведь взывает, гад, ко всем службам спасения, заодно обкалывая пациента успокоительным и противошоковым, пытаясь стабилизировать мое состояние до прибытия санитаров. Я у них на особом учете, как-никак три зарегистрированные попытки суицида. Очень уж это страшно – очнуться в госпитале неподвижным обрубком. И очень уж это больно – реанимация контуженного нервного столба…

Вот только мне сейчас ценна каждая капля адреналина! Меньше всего я стремлюсь к покою уютной койки стационара. На карту поставлено все! И не только мной, но и ребятами из поискового клуба «Эхо войны», дарящими мне сейчас драгоценные секунды форы. Кстати, именно на такое «эхо» я и напоролся во время своего последнего поиска.

Помню, как звякнула по металлу лопата, вышибая искру из ребристого бока ржавого боеприпаса, затем ослепительная вспышка и блаженная темнота…

Отброшенный взрывом обрубок человека был очень удобен в транспортировке – на треть легче и почти в два раза короче, чем минутой ранее. Быть может, именно это и спасло мне жизнь – до ближайшей дороги ребята девять часов тащили носилки через лесной бурелом. Ну и медицина – куда же без нее. Как полевая – на содержимом аптечки мы не экономили, так и государственная, невесть зачем вернувшая на этот свет впавшего в кому пациента…

Лестничный пролет, словно штурм Эвереста. Зло кусаю разбитые в лепешку губы – месились обыватели всерьез, на убой и без дураков. На инвалидность и медицинские справки никто не смотрел – сегодня «травма» и морги соберут годовой урожай. Каждый из рвущихся к артефакту сражался за потенциальный особняк на Рублевке либо за гарантированное излечение от любых болезней и бонусные десятки лет жизни.

Луплю кулаком со сбитыми костяшками по обгорелой кнопке вызова лифта. Молю всех богов – пусть кабина окажется на первом этаже! Ждать времени нет, а путь пешком на своих ходулях я просто не осилю…

Боги благосклонно кивают – дребезжа несмазанным металлом, половинки дверей медленно ползут в стороны. Протискиваюсь вовнутрь, нервно давлю на «девятый». Скорей, скорей! Падение звездочки на крышу этой убогой бетонной коробки наверняка засекли жители всех окрестных домов! Скоро тут будет настоящее столпотворение!

Бесконечный подъем позволил мне немного успокоить дыхание и протереть глаза от заливающей их крови. Рассечения кожи головы, они такие – раны пустяковые, а юшки – словно кабана зарезали.

Наконец лифт вздрогнул, устало вздохнул и неохотно захрустел створками из царапанного и облупленного железа. Пришлось ему помочь, рывком раздвигая двери и пятная их алыми отпечатками.

Снизу по лестнице уже гремели разноголосый мат и нарастающий топот – неужели смяли ребят?! Парни, выживите!

Из ведущего на крышу проема доносились явные звуки борьбы. Опередили, гады!

Штурмую очередной пролет, отбиваю плечо о косяк чердачной двери – шатает меня неслабо. Мысленно извиняюсь перед мирозданием, с трудом напяливаю кастет на непослушные пальцы правой руки. Шансы в драке надо хоть как-то уравнивать.

Мои девяносто кило тренированного спортивного тела не так давно усохли до полупарализованных шестидесяти. Вместо ног вставили спички, в позвоночнике раскаленная спица, руки – словно отлежал во сне.

В бой, Пашка, последний и решительный! Если проиграешь, можешь смело шагать с парапета – второго шанса, скорее всего, не будет. Звезда с неба падает в руки только однажды.

Вываливаюсь на крышу. Очередной метеор рассекает пространство напополам и освещает место локальной трагедии.

Двое грузных пивных мужиков топчут ногами худенькое тело, судорожно извивающееся на мокром рубероиде. Третий старательно ломает тонкие пальцы жертвы, добывая из грязного кулачка сверкающий кристалл артефакта.

Камень светился все ярче, постепенно меняя спектр и выходя на рабочий режим. Еще секунд десять – и он отдаст свою силу шустрому мелкому, навсегда превратившись в тривиальный искусственный бриллиант. Не копеечной стоимости, но отнюдь не волшебных свойств.

Мужик в дешевом турецком пуховике это понимал и оттого все больше зверел. Наконец, наступив тяжелым ботинком на хрупкую кисть, он принялся яростно лупить каблуком свободной ноги по намертво сжатому кулаку.

Жертва болезненно застонала, расплющенные пальцы разжались, выпуская добычу на волю. Быстро тускнеющий кристалл покатился по крыше.

Мужик радостно взревел, привлекая к себе ненужное внимание, и по-собачьи, на четвереньках, рванулся за камнем.

Я метнулся навстречу и футбольным ударом углепластикового протеза в голову отправил его в нокаут. Минус один!

Неловко нагнувшись над артефактом, попытался было его поднять, как на меня обрушилось тело второго охотника за сокровищами. Сверкнувший нож вспорол штанину и звякнул о титановый шарнир колена. Это он зря…

Заваливаясь на нападающего, я выставил в падении локоть, максимально жестко вбивая его в толстый загривок.

Что-то хрустнуло, мужик обмяк. Очень надеюсь, что не убил…

Позади возня, чавкающие звуки раздираемой плоти и испуганно-бабские охи третьего добытчика.

Я оглянулся. Мелкая истоптанная фигура то ли девушки, то ли подростка, вновь ожила и теперь цепко висела на спине у мужика, раз за разом всаживая ему в бок острое горлышко разбитой бутылки. «Розочка» бликовала черной кровью, а последователь Индианы Джонса испуганно верещал и пытался стряхнуть с себя цепкую и смертельно опасную мелочь.

Безумие какое-то…

Вся эта ночь, этот неопознанный корабль, уже месяц висящий на орбите и молчаливо засеивающий поверхность Земли чудесными дарами. Мы теряем человеческий облик, режем друг друга, превращаясь в зверей, а Чужаки развлекаются, словно богатеи, бросающие горсти серебра в толпу нищих.

Твари! И мы, и они!

Впрочем, рефлексии и злость не мешали мне шустро работать локтями. Преодолев ползком последнюю пару метров, я загреб с крыши горсть мусора вместе с тускло пульсирующим артефактом.

Камень мгновенно ожил, теплые лучики ласково защекотали мою ладонь, сканируя нового владельца и готовясь к передаче Силы.

Я замер, еще не веря своему счастью и с трепетом ожидая всамделишного чуда. Как показала практика – ураганная регенерация, подаренная артом, способна не только вырастить новые нервные волокна, но и восстановить утраченные конечности. Никто не знает как – но оно работает!

Крыша вздрогнула, позади рухнуло тяжелое тело. Я встревоженно перевернулся на спину, крепко прижимая к груди камень и оглядываясь назад. Господи, за что?!

Наверное, когда-то это было девушкой. По крайней мере, на это намекали хрупкие плечи и бретельки лифчика, выглядывающие из разорванной футболки. А вот лица у существа не было…

Куртку с капюшоном сорвали в драке, широкий шарф грязным ошейником болтался на шее. На лбу – перекошенный обруч «Эхолота», позволяющий слепым хоть как-то ориентироваться в пространстве. Глаза – мутные бельма вареного белка. Чудом сохранившиеся слезные каналы вымывали мокрые дорожки среди пятен свежей крови. Ниже глаз – сплошное бугристое месиво глубоких шрамов от химического ожога. Вместо носа – темный провал, вместо рта – тонкая безгубая полоска.

Я вздрогнул и заелозил протезами по мокрому рубероиду, пытаясь отползти подальше от чудом выжившего огарка человека.

Силы покинули девушку в шаге от меня. Беспомощно застонав, она протянула руку с изломанными пальцами. Окровавленная щель рта приоткрылась, оголив неожиданно белые и красивые зубы.

Едва слышный измученный голос безнадежно прошептал:

– Дай мне… Пожалуйста… Я не могу так больше жить…

Я закрыл глаза и беззвучно взвыл! Отпихнуть ее ногой, а затем, счастливо урча, свернуться калачиком вокруг артефакта, чувствуя, как вливается в меня заемное здоровье? Где граница, где та грань, переступив которую, жизнь потеряет смысл, а я – право называться человеком?

Кристалл пульсировал все ярче. Новоявленные гуру собирательства рекомендовали изолировать его в контейнере для перепродажи либо проглотить в случае риска потери. Одно движение – и я уже ничего не смогу изменить. А уж карму как-нибудь отмою, дурное дело не хитрое, оправдывать свои поступки мы приучены с детства…

Тяжело вздохнув, тоскливо покосился на парапет крыши – эту ночь я тоже не переживу…

Кряхтя, уселся, протянул камень заплаканной и окровавленной маске.

– Держи… И будь счастлива. Не потрать вторую жизнь на глупости…

Девушка недоверчиво склонила голову к одному плечу, затем к другому. Да она просто не видит ничего! Обруч «эхолота» внешне цел, но это не значит, что нежная электронная требуха осталась неповрежденной.

Я с тревогой покосился на все ускоряющуюся пульсацию арта. Прислушался к шуму с лестничной клетке и, уже откровенно нервничая, прокричал:

– Да скорее же!

Рванулся всем телом к девушке и впечатал в ее нелепо растопыренные пальцы свою ладонь с раскаленным артефактом!

– Ах!

Словно ударом тока нас обоих выгнуло дугой! Мышцы свело судорогой, рукопожатие стало литым. Тонкие девичьи пальцы затрещали у меня в руке. Девушка болезненно закричала, а я как зачарованный смотрел на просвечивающуюся плоть. Кристалл сиял, как сверхновая звезда, и не нашим жалким ладоням скрывать его свет!

Вспышка! Разряд электрошокера! Артефакт слил энергию в одном запредельном импульсе, раскидывая нас в стороны, словно прижатые друг к другу однополярные полюса магнита.

Девушка недоверчиво щупала свою ладонь, водя пальцем по затухающему рисунку кристалла с 57 гранями. Видела она его, что ли?

Я же косился на точно такой же рисунок у себя на ладони.

Как так?! Неужели артефакт одарил нас двоих?

– Обоим, да? – тихо спросила девушка.

Да уж, у слепцов все чувства развиты на порядок лучше, чем у зрячих…

– Похоже, что так… Тебя как хоть зовут?

– Лина… – прошептала незнакомка, тревожно прислушиваясь к многочисленному топоту на лестнице.

– Павел, – ответил я, косясь туда же.

Сейчас нас забьют. Тупо от разочарования. Хотя…

Я посмотрел на крупный бриллиант, лежащий у наших ног. Двести пятьдесят шесть каратов идеальной чистоты. Полмиллиона баксов. Неплохие были бы подъемные для старта новой жизни…

Взяв в руку камень, дождался, когда первые запыхавшиеся обыватели покажутся в дверях. Криво улыбнулся, демонстративно покатал драгоценность по ладони и метнул ее в зев дверного пролета, аккурат между ног у загонщиков.

– Ловите!

Яростный мат, счастливый вскрик и звуки частых ударов сообщили нам, что диверсия прошла успешно. С трудом поднявшись на ноги, я протянул руку девушке:

– Пошли. Попробуем спуститься через соседний подъезд.

Тяжело опираясь друг на друга, пошатываясь под собственным весом и порывами ночного ветра, мы успели сделать едва ли десяток шагов.

В небе загрохотали лопасти вертолета, ослепительный луч прожектора поймал нас овальным пятном, из пустоты резво посыпались фигуры в матово-черной броне.

Усиленный динамиками голос грозно прорычал:

– Мордой в землю! Работает спецназ!

* * *

Туго стянутые наручниками руки уже отекли, яркий свет настольной лампы выбивал слезы из глаз. Шоу в лучших традициях Лубянки. Скоростная обработка тысяч задержанных имела свою специфику и требовала дешевых киношных спецэффектов.

Впрочем, я не обольщался. Контора и статья серьезные, не сломают с наскока – возьмутся за дело всерьез, сплетут из меня все, что им угодно – хоть коврик прикроватный.

Рядом раздраженно вышагивал усталый следователь. Видать, немало я подгадил его ведомству, использовав драгоценный артефакт. У них ведь, наверное, за второй молодостью стоит номерная спецочередь с мигалками.

Правительство спешно готовило население к «Ночи Звездопада». Со всех медиаканалов обывателям внушали важность сдачи кристаллов властям. Мол: «в повышенной регенерации и творческом долголетии срочно нуждаются академики, космонавты, разведчики, видные государственные деятели и прочие заслуженные герои».

Может, оно и так, хотя терзают меня смутные сомнения. У нас в стране одних только долларовых миллионеров тысяч триста. Плюс топовые чиновники и их родственники, да целые полки армейских и ведомственных генералов. И всем им хочется жить долго и здорово.

А ведь всего на всех не хватит! По опыту других стран, нам достанется примерно один артефакт на тысячу душ населения.

Чем ближе к границам России подлетал неопознанный корабль с инопланетными дарами, тем истеричней становился тон дикторов центрального ТВ.

Превентивная национализация кристаллов и предупреждение об их потенциальной опасности лишь обозлили народ. Объявление премии в сто тысяч рублей за каждый сданный камень окончательно убедило людей – арты надо хомячить!

Следователь наматывал круги по кабинету и вещал, а я осторожно прислушивался к своему организму. Температура была явно выше нормы, особо покалеченные места и вовсе при-

пекали. Однако со сбитых костяшек уже осыпалась засохшая корочка крови, оголив свежую розовую кожу. Чем бы ни была инопланетная заманушка – но она работала!

– …итак, у вас сейчас есть три опции! Первое – добровольно подписать двадцатилетний контракт на службу в интересах Родины. Стране нужны люди с повышенной выживаемостью!

Я покосился на свои протезы, сиротливо выглядывающие из-под грязных задравшихся штанин. Затем посмотрел на следака и вопросительно поднял бровь.

Тот лишь отмахнулся.

– Отрастет! И не делайте такое удивленное лицо – за тем и шли! Значит, далее, опция номер два! Вы можете дать согласие на череду медицинских экспериментов по изучению инопланетного феномена. Не стоит волноваться, ничего смертельного, по крайней мере – для вашего нового тела…

Я нахмурился – что-то не воодушевляет. Как и «ать-два» сроком на двадцать лет. Нет, я и сам мечтал пойти в летное училище, стать боевым пилотом и рассекать небесную гладь на истребителе пятого поколения. Но кто ж мне теперь даст?! Превратят в диверсанта какого-нибудь либо спасателя, способного продержаться четверть часа в активной зоне реактора. Стремно мне че-то…

– Ну и третье! – Тут следователь хищно улыбнулся, и у меня окончательно засосало под ложечкой. – Главный приз – честно заработанный срок на спецзоне! Признаюсь сразу – от медицинских экспериментов он вас не убережет! Вангую без хрустального шара – туберкулез вы подхватите уже через месяц, а по выздоровлении обязательно надышитесь парами ртути, ну или что там у наших научников следующее по списку?

– Это незаконно… – безнадежно выдохнул я.

Настроение следователя мгновенно переменилось. Резко приблизившись, он зашипел прямо мне в лицо:

– А о чем ты думал, когда закон нарушал и Родину через хрен кидал?! Один раз не леголас? Ты хоть представляешь, КАКИЕ люди сейчас реально загибаются без волшебной таблетки?! Да ты ногтя их не стоишь! Информацию о том, что они сделали для страны, лишь через полсотни лет можно будет осторожно извлечь из секретных архивов!

Я набычился и уперто стиснул зубы. Не знаю, как там заслуженные пенсионеры, но изуродованная девчонка на крыше спальной девятиэтажки также имела право на свой крохотный кусочек счастья!

Следователь внимательно смотрел в мои глаза, затем чуть смягчился.

– Понимаю, парень ты не самый плохой. Бывший спортсмен, поисковик, за что тебе мой реальный поклон. Не куришь, мозги в наличии, собирал пакет документов на подачу в «летку»… Только поэтому с тобой говорю именно я и именно здесь. Поверь, сегодняшняя ночь еще возродит легенды о кровавой гэбне. На самом высоком уровне было принято решение об абсолютной нетерпимости к сокрытию или частному использованию инопланетных артефактов. Уж лучше бы ты его попытался продать, там мимо наших сетей хрен прошмыгнешь…

Я тяжело вздохнул, затем безнадежно поинтересовался:

– А личные предпочтения к роду службы будут учитываться?

Следователь весело подмигнул.

– Будут, обязательно будут! Учтем все, вплоть до подростковых эротических фантазий. Не дрейфь, юноша! Ты у нас еще в космос полетишь!

Пророк гребаный… Кто бы знал, что в космос я полечу гораздо раньше, чем предполагала могущественная контора…

Глава 2

– Банг-банг!

Сквозь ватную завесу донесся резкий дуплет выстрелов и чавкающие звуки пробиваемой плоти.

Дежавю?

Я вяло трепыхнулся, пытаясь вернуть контроль над телом. Ощущение – словно лежишь на ринге после тяжелой плюхи нокаута. Отмороженные конечности сопротивлялись. Отклик нулевой, удалось лишь оглушено мотнуть головой.

Мама, милая, только не это! Снова парализован? Второй круг ада я уже не осилю – откушу, как самурай, язык и истеку кровью, незаметно сглатывая горячую жижу, дабы враги не заметили попытку суицида.

Хм, враги? Что за движняк и суета вокруг?

Меня грубо кантовали, вытаскивая из какого-то узкого объема, переполненного острыми, неэргономичными углами и блоками разогретой электроники.

Затем легко ухватили под руки и, протащив с десяток метров, бросили на холодный пол. Боль от стальной хватки и жжение разбившихся всмятку губ немного очистили разум.

С хлюпаньем втянул в легкие воздух – пахло озоном, скотобойней и свежей кровью. Звон в ушах притих, расширяя спектр получаемой информации.

Гудение и дрожь механизмов, усталые вздохи пневматики и натужное сопение сервоприводов, эхо многочисленных шагов – тяжелых, с подрагиванием пола, и почти невесомых, узнаваемых скорее по шороху и движению воздуха.

– Лут номер 13–733. Женщина, биологический возраст – пятьдесят семь, репродуктивные возможности – ограничены. Боевой потенциал – одиннадцать единиц. Рарность генома – сомнительна, многочисленные повреждения цепочек ДНК…

Идеальный девичий голос монотонно вещал где-то вдалеке. Его легко перекрыли раздраженные командирские интонации. Сталь и рокот дремлющего вулкана – в исполнении женщины:

– Шлак! На разборку и в биореактор!

– Банг-банг! – вновь коротко рявкает не опознаваемый на слух ствол.

Шелест шагов. На этот раз ближе…

– Лут номер 13–734. Мужчина, биологический возраст – семьдесят четыре, репродуктивные возможности – отсутствуют. Чистота генома – 91 %. Боевой потенциал – пять единиц…

– Мусор! В реактор!

Старческое:

– Постойте! Я ценный специалист, владею навыками…

– Банг-банг! – торопливый монолог обрезает на полуслове.

Идеальный голос подтверждает:

– Дампы долговременной памяти и мышечных наработок сняты со всех доставленных разумных. Уникальность знаний – единица в минус четырнадцатой степени.

– Мужлан брехливый, – с удовольствием констатирует командирша.

Шаги…

Я натужно борюсь с парализованным телом. Умирать вот так – безвольной тушей, уткнувшись носом в лужу собственной крови, – очень не хочется… Отец, до последнего дня будучи птенцом генерала Маргелова, учил: «Сбит с ног, сражайся на коленях!»

Как ни странно, первыми откликнулись именно ноги. Самые настоящие, из плоти и крови – уж тормозящий отзыв сенсорного оптоволокна я легко отличу от ощущения затекших мышц. Неужели гребаный артефакт отрастил-таки мне оторванные конечности?

Не помню, ничего не помню…

С трудом переворачиваюсь на бок, поджимаю колени к животу, на минуту замираю в позе эмбриона. В венах бурлит жуткий коктейль – эндорфин и серотонин плечом к плечу бьются с картизолово-адреналиновой армией. Счастье от обретенного здоровья конфликтовало с тревожностью ситуации.

Чувство опасности пульсировало в такт тяжелым шагам. Встать, нужно встать!

– Лут номер 13–735. Мужчина, биологический возраст – тридцать четыре, репродуктивные возможности – максимальны. Чистота генома – 98,4 %. Боевой потенциал – двадцать девять единиц…

– Хоть что-то… На редкость неудачная прибыла партия. Тринадцатая, что и говорить… Сплошной мусор, как и весь этот идиотский хроноэксперимент… В пилотскую группу его! И спуска не давать! Ишь, волосатый какой, а болт-то, болт! Девчата в «учебке» будут довольны… Настройки аппаратуры перепроверяли? Мы точно не забросили дюжину «пробойников» к австралопитекам?

– Э-э, красавица, зачем больно делать, да?! Я сам встану!

– Уймись, мясо!

– Хлоп-хлоп! – негромко прошелестел очередной образчик неизвестного оружия, и нечто крупное рухнуло на землю.

Я, наконец, смог открыть глаза. Сердце натужно бухало, гоняя густую кровь по венам. Зрение плыло, слизистые были крепко пересушены, приходилось моргать, как контуженный пулеметчик.

Голова оказалась направлена удачно – на неторопливо подходящую группу, ведущую столь странные беседы и выглядящую не менее экстравагантно…

Девушка-лаборант, в куцем халатике медсестры из фильма для взрослых. Правая часть черепа выбрита, оголяя сложный металлический узор. То ли украшение, то ли приборы или фантастические интерфейсы. Взгляд отсутствующий и направлен в пустоту. Пухлые губки постоянно шевелятся, монотонно зачитывая нечто видимое только ей.

Женщина-воин, исполинских размеров и гипертрофированных пропорций. Упакована в футуристического вида стальной экзоскелет, отчего два с лишним метра ее роста приобретают и вовсе пугающие очертания. Броня щедро украшена внешними модулями вооружения – за спиной воительницы спарка стволов, над головой настороженно кружит небольшой спутник, больше всего похожий на миниатюрную Звезду Смерти. Выглядит все это внушительно опасно.

Пара сопровождающих ее телохранительниц. Тела укутаны в зеркально-черные скафандры, однако забрала шлемов откинуты – чуть грубоватые, но все же женские лица явственно различимы. В руках – странного вида оружие. Какие-то короткоствольные автоматики, в богатом электронном обвесе, с активными зонтиками персональных силовых полей.

Впрочем, декораций из постановок фильма о будущем вокруг хватало. Стройными рядами теснились сотни капсул зализанных очертаний. Суетившиеся вокруг техники вскрывали их одну за другой, деловито извлекая оттуда беспомощных землян. Амбалы-грузчики, все в тех же силовых скелетах, бесцеремонно волокли людей на сортировку, выкладывая на холодном полу чудовищную линию из вяло копошащихся тел.

Вдоль этой линии и вышагивала роковая четверка, мгновенно принимающая и исполняющая приговоры.

– Деформация личности при переброске…

– Банг-банг!

– Мужчина, идеальный геном, мутация сексуальной ориентации, репродуктивные функции – атрофированы. Ха, прямо как наши мальчики «аристо»!

– Курс принудительной гормонотерапии и на «дойку». По исчерпании ресурса – в биореактор. Следующий!

Сновали автоматические тележки, развозя трупы и редких везунчиков. Жадно сёрбал кровью приплюснутый диск пылесоса-уборщика, дорвавшегося до халявной органики.

Встать… Нужно встать…

Конечности скручивало болью – нервные окончания медленно размораживались, отходя от шока и посылая в мозг полный хаос сигналов. Господи, как же больно-то…

Я не понаслышке знаком с фантомными болями – оторванные ноги частенько чесались и ныли, однако сейчас ступни и колени «радовали» полным спектром пыточных ощущений – от «испанского сапога» до иголок под ногти.

Рядом кто-то едва слышно застонал. Память среагировала мгновенно – грязная крыша девятиэтажки, хрупкая фигура на мокром бетоне и яростно топчущийся по ней пьяный здоровяк.

Перефокусирую зрение. На расстоянии вытянутой руки лежит вызывающе красивая девушка, до крови закусившая губу и сотрясаемая приступами судорог. Одежды на ней нет, как и на всех нас, но мне не до эротики – в расстрельной яме все бесполые и ловеласов нет.

Девушку гнет дугой, однако ее тонкие пальцы спешно ощупывает собственное лицо, привычно скользя по отсутствующим дорожкам глубоких химических ожогов.

– Лина?.. – мой голос сипит, связки будто заржавели за тысячи лет безмолвия.

Длинные ресницы с повисшими на них капельками слез распахнулись, и на меня взглянули затуманенные болью глаза.

Глубина, глубина – я не твой… Целая вселенная во взгляде!

Ее глаза близоруко сощурились, потрескавшиеся губы шевельнулись:

– Павел?

Я как мог улыбнулся – узнала! Судя по падению лицом вниз и луже натекшей крови – зрелище так себе. Но… ободряю, чем могу…

– Он самый! Ты как?

Девушка на мгновение прикрыла глаза, затем облизала пересохшие губы:

– Откровенно плохо… Хотя лицо мне все же отшлифовало – магия как она есть! Где мы?!

Я уже начал приходить в себя. Об этом заявил трепыхнувшийся в глубине души мачо. Игнорировать литые полушария упругой груди становилось все тяжелее. Да и татуировка эта задорная, да еще на столь интересном месте…

– Выглядишь потрясающе! Артефакт явно пошел тебе на пользу!

Девушка скосила глаза на свое тело, затем зло оскалилась и с трудом подтянула идеальные коленки к животу:

– Мужики… Всем вам только одного и надо… Ненавижу тварей!

Злость придала ей сил – Лина одним рывком перекатилась на другой бок, открывая моему взгляду ямочки на пояснице и бархатную беззащитную шею.

Зацепил я, видать, огромный скелет в ее личном шкафу. Кто и почему сжег кислотой лицо такой красавицы? Отчего такая ненависть к противоположному полу?

М-да, сломали девчонке психику, достанется теперь кому-то такой вот сюрприз – внешность «Мисс фитнес», а начинка – из учебников карательной психиатрии…

Шаги приближаются…

Пол подрагивает под поступью женщины-мастодонта. Внешний экзоскелет явно весит далеко за сотню кэгэ и отнюдь не пытается замаскировать лязг стали по бетону. Чеканный доминирующий шаг – всем бежать-дрожать-бояться, идет главная самка этого логова!

Зло хриплю – девчонка смогла, и я смогу! Похрустываю суставами, сражаюсь с бесчинством нервных импульсов, привычно давлю боль волей – практика у меня богатая, а тренировки были долгими. Медленно, сантиметр за сантиметром, переворачиваюсь на живот. Поджимаю под себя ноги, выпрямляю спину. Сижу! Полуослепший от вогнанной в позвоночник раскаленной спицы, но ведь сижу!

Уже совсем близко громыхает суровое эхо вердиктов:

– Годен. В группу «Зет» – тяжелую пехоту! Дополнительная метка – донор класса «Б».

– В топку! Полный шлак!

– Банг-банг!

– Мясо протухшее! И как только эти старперы добрались до ценных кристаллов углерода?! Ведь по всем расчетам бриллианты должны были достаться сильнейшим особям расы? Налицо грубая ошибка в выборе временного потока! Общество уже слишком развито – социальный статус значит больше, чем личная альфа-самцовость… В реактор его!

– Банг-банг!

– А этого будет жалко потерять на втором вылете… Туша какая, истинный медведь! В лупанарий его, на племя! Путь вольные горожанки порадуются элитному мясу…

– Хлоп-хлоп! Хм, двойная доза нейротика, а он еще дергается! Хлоп!

– Условно годен. В «тяжи»!

– Хлоп-хлоп!

Пружина напряжения сжималась все больше. Краем сознания я с удивлением понял, что часть бушующих во мне эмоций – заемная. Источник найти было просто – внутренний компас четко указал на Лину.

Я просто ЗНАЛ, где она сейчас находится и ЧТО ощущает. Ломающая тело боль и готовность драться до конца – срывая ногти о чужую плоть. Плюс – толика бесконечной радости и тень вселенской тоски – вновь обретенное зрение накачивало кровь гормонами, а рассосавшие спайки шрамов перестали стягивать лицо мертвой маской. Сейчас бы жить да жить!

Меня пробила дрожь – такой связи не бывает даже у близнецов! Ощущение своего, родного, насквозь понятного и близкого переполняло душу.

Чувствую себя идеальной парой. Мужчина – как сосуд, который женщина наполняет собой. Стенки сосуда – пресловутая каменная стена, укрывающая половинку от невзгод. Внутри – пушистый мурчащий котенок, дарящий счастье и уют.

За свое я готов порвать кого угодно! Голыми руками! Будь то танк или псевдобаба в коконе стальной брони.

Ноги распрямляются, и вот я уже стою в полный рост. Кожу на загривке сводит мурашками. Была бы шерсть – стояла бы дыбом. Верхняя губа рефлекторно приподнимается, демонстрируя не бог весть какие клыки. Сведенные судорогами мышцы пляшут и подрагивают, словно на подиуме шоу качков. Инопланетный артефакт не только подлатал организм, но и привел его к идеальному состоянию. Жировая прослойка безжалостно вытоплена, пресс выпирает буграми, пластины грудных мышц надежно прикрывают уязвимое сердце.

Группа вершителей судей подходит совсем близко и останавливается напротив Лины. Командирша мазнула по мне одобрительным сальным взглядом, но порядок осмотра не нарушила.

Стриптизерша в коротком халатике вновь поплыла взглядом и принялась зачитывать данные:

– Лут номер 13–776. Женщина, биологический возраст – двадцать два, репродуктивные возможности – пиковые. Чистота генома – три девятки. Боевой потенциал – ого! – сорок единиц… Вполне достаточно для самостоятельного поступления в колониальные войска, а при должной подготовке – смогла бы пробиться сквозь конкурс в Имперское Планетарное!

Гренадерша задумчиво качнулась с носка на пятку. Бетон застонал под стальными подошвами, крошась, словно под гнетом танковой гусеницы.

– Ну и зачем ты нам, такая красивая? В пехоту? Или на развод? Пусть рожает нам мальчиков каждые семь месяцев, раз геном не испорчен боевой химией, будь она неладна!

Уловив, как яростно раздулись мои ноздри, она понимающе улыбнулась и мстительно озвучила свое решение:

– В «Инкубатор» ее! На племя!

Мы с Линой рванулись одновременно. Задача по синхронизации действий не стояла – чувствовали друг друга как сиамские близнецы. Девушка атаковала с двух рук. Левой – в горло ближайшей телохранительницы, правой – стремительный хват за пистолет в открытой набедренной кобуре.

Я взял на себя командиршу. Сокрушающий правый в челюсть и таранящий удар плечом в центр тяжести, в надежде сбить мастодонта на пол.

План был дохленький, а реализация и вовсе – комична.

Лину еще в воздухе подловили едва слышной очередью из парализатора. Идеально выверенная траектория броска сломалась, на землю девушка рухнула уже скрюченной тушкой с горящими ненавистью глазами.

Мой кулак великанша приняла на ладонь и нежно сжала, ломая пальцы и троща суставы. Отчаянную попытку удара левой пресекать не стала. Перед ее лицом на мгновение вспыхнуло защитное поле, тормозя приближающийся высокоскоростной объект. Руку отсушило болью, костяшки кулака перекосило и вывернуло уродливыми шишками – словно от безумного удара по танковой башне.

Командирша ухватила меня свободной рукой за горло и приподняла в воздух, рассматривая, как породистого котенка, которого ей подарили на день рождения. С умилением прошептала:

– Злой, царапучий! 13–777… Я назову тебя – Счастливчик! Юлия Минор, зачитай «сопроводиловку».

Медсестра кивнула, хищно трепыхнула ноздрями, но отвела голодный взгляд от моих причиндалов и вновь уставилась в никуда:

– Лут номер 13–777. Мужчина, биологический возраст – двадцать четыре, репродуктивные возможности – пиковые, экстра-бонус от долгого воздержания. Чистота генома – 99,7 %. Боевой потенциал – шестьдесят две единицы! Рекомендация тактического ИскИна – в пилотскую группу.

Гренадерша ухмыльнулась:

– Несомненно! Ведь «ястребки» базируются всего в трехстах километрах от нас… Ну что, Счастливчик, не забудешь тетушку Корнелию Прайм? Будешь заглядывать на огонек? Ну, а для закрепления условного рефлекса – сегодня на ночь доставьте этого котенка ко мне! Я с ним поиграюсь…

– Госпожа подполковник, у нас проблема с последней парой! – Голос медсестры полыхнул беспокойством. – Нештатное срабатывание «пробойника». Псевдо-ИИ прибора не смог определить более достойную кандидатуру и разделил колонию нановормов на две части. Одна досталась Счастливчику, вторая – семьсот семьдесят шестой…

– И что?! – раздраженно поморщилась командирша, с сожалением опуская меня на пол. Я захрипел, пытаясь вдохнуть и бережно прижимая к груди поломанные руки.

– Уполовиненной колонии не хватило объема рабочего тела для выстраивания полноценной антенны переброса. ИИ нашел спорное решение – объединил часть ресурсов двух разумных. Помехи хронопотока неизбежно перемешали их тонкие тела – теперь они связаны в пси-диапазоне. Проще говоря – их души срослись. Сдохнет или надолго удалится один – неминуемо умрет и второй.

Корнелия раздраженно чертыхнулась:

– Сама знаешь – девка пилотом быть не может. Навигатором, оружейником или суперкарго – куда ни шло. Но не пилотом истребителя! Гормональный и эмоциональный фон, устойчивость к перегрузкам, скорость реакции и болевой порог, многозадачность и работа в коллективе… Да десяток причин! А места для балласта в легком «Яке» нет! Не цеплять же ее на внешнюю подвеску? Сдохнет через минуту… А может… хм… Может, сформировать из них экипаж тяжелого истребителя? Техники у нас навалом – автоматические заводы выдают ее нагора регулярно, по гребаному графику предвоенного времени, утвержденному полтора века назад. Только вот летать на ней некому!

– В целях экономии мужского генома ведение боев на двухместных машинах запрещено, приказ МО за номером 51221, от 2715 года…

Гренадерша отмахнулась:

– Комету им в дышло! Самец на борту будет только один, вторым номером полетит эта драная кошка! Боевого потенциала ей хватит! Какой у нее шанс пережить установку импланта?

– Пилотского: две тысячных процента. Штурмана: сорок процентов. Оператора вооружения: семьдесят три. Дополнительный офицерский модуль – минус шестьдесят процентов при текущих кондициях тела. Требуется разгон, оптимизация и модернизация плоти носителя.

Командирша раздраженно покосилась на ворочающегося рядом со мной седого старика благородной наружности, затем молниеносно извлекла из крепежа на груди кургузый пистолет с толстым стволом и одним оглушительным: «Данг!» – разнесла несчастному череп.

– Зачем ей о-модуль?! – коротко спросила Корнелия, не затрудняясь сформулировать вопрос яснее.

Юлия поняла.

– Приказом ИскИна «Ганнибал» и. о. Министра Обороны Солнечной экипажи тяжелых истребителей могут формироваться исключительно из офицеров.

Гренадерша вздохнула и присела рядом со мной на корточки. Едва слышно гудели сервомоторы экзоскелета, дрожал горячий воздух около решетки теплообменника, настороженно крутили электронными носами внешние сенсоры.

Я попробовал отползти подальше, но Корнелия легко дотянулась до меня и погладила по волосам:

– Видит Юнона, я сделала что смогла. Приказ маразматика «Ганнибала» не отменить. Некому, передохли все, кто в звании выше полковника… Чертов вирус…

Командирша резко встала, махнула рукой группе сопровождения:

– На принудительную модернизацию! Обоих! И пусть этот криворукий лепила постарается, иначе вместо гладкого Счастливчика я буду трахать его морщинистую задницу!

Затем повернулась ко мне:

– Выживи, котенок…

Глава 3

Подчиняясь прямому приказу, нами занялась одна из телохранительниц. Возгордиться оказанной честью я не успел, а вот пожалел практически сразу.

Черная фигура с опущенным забралом, криво зеркалящая окружающее пространство глянцевым покрытием брони, шагнула вперед и, ухватив меня за плечо, одним движением зашвырнула на услужливо подлетевшую платформу. Хрустнувшая ключица полыхнула болью, а мозг обогатился крупицей знаний: нападать с кулаками на человека в бронескафе – верх идиотизма…

Невидимые жгуты силовых захватов спеленали меня по рукам и ногам, безжалостно деформируя сломанные кости и вновь отправляя в блаженную темноту.

Судя по всему, спасительное забвение было недолгим, в себя я пришел в том же месте и в тех же декорациях. Глаза застилали неподконтрольные слезы, зубы со скрипом крошили эмаль. Уроды! Да я же загнусь так от болевого шока!

Словно подслушав мои мысли, платформа-транспортер тревожно пискнула. Над головой развернулся полупрозрачный экран медицинского мониторинга. Вращающаяся на нем мужская фигура светилась желтыми и оранжевыми маркерами повреждений.

Мудрый механизм на мгновение задумался, ставя диагноз и подбирая оптимальную схему лечения для выполнения поставленной задачи – доставки организма в точку «Икс». Затем довольно прозвенел колокольчиками и вколол мне в загривок нечто леденящее, но действенное. Боль ушла, измученное тело потеряло чувствительность, легкая эйфория захлестнула мозг.

Я блаженно выдохнул и засмеялся:

– Отличная тележка! Сама везет, фиксирует, кантует и не дает сдохнуть! Нам бы такие!

– Утихни! – оглушительно рявкнул усиленный динамиками голос.

Я как мог вывернул шею – следом за вереницей из пары носилок вышагивала грозная фигура в полированной броне.

– Не оборачиваться! – На этот раз приказ сопровождался чувствительным разрядом в многострадальный позвоночник.

Тело выгнуло дугой, силовые захваты среагировали на попытку побега и скачком увеличили мощность. Меня рывком впечатало в ложемент, выдавливая кислород из легких и перекрывая кровоток в конечностях.

Я захрипел, одновременно задыхаясь и корчась от дуги разрядника. Феерические ощущения! Противошоковый коктейль работал – боли не было, мозг буянил тихим весельем, а тело танцевало джигу и медленно сползало в беспамятство.

Конвоирша заржала низким прокуренным голосом – шутка казарменного уровня пришлась ей по вкусу. Однако задачу доставить меня живьем никто не отменял. Дистанционная команда – и тележка ослабила хватку и вроде даже вновь ширнула меня какой-то химической дрянью.

Похоже, что носилки многопрофильные – не только и не столько медицинские, сколько арестантские…

Как там Лина? Наша духовная связь крепла с каждой минутой, намертво сшивая души кевларовыми нитями. Увиденная мельком картинка довольно четко всплыла в памяти. Вторая тележка, идущая в кильватере строя, парализованное тело девушки, небрежно прихваченное силовыми жгутами поперек груди и бедер. Рассеченная бровь кровит, голова жестко зафиксирована, красные капли собираются лужицей в глазнице.

Твари…

Да где же мы, что происходит? Запихнула-таки нас гэбня в закрытый НИИ, где после одного из экспериментов погрузили в анабиоз, заморозку, криосон – называйте как хотите? Или тестируют на психологическую устойчивость, помещая в стрессовую ситуацию попаданца классического? А может, реально перенос в будущее? Фантастический антураж вокруг, воинственный бабский коллектив в комплекте с пугающими датами и римскими именами?

Очень уж реально расплескивало по полу вскипевшие мозги, да и осколки изувеченных кистей немым укором маячили перед глазами. Калечили меня всерьез, без дураков и снисхождения.

Больше я не улыбался и не шутил. Пользуясь просветлением рассудка, таращил глаза по сторонам, анализируя увиденное и услышанное.

Знание чужого языка меня не удивило. Если уж артефакт смог отрастить мне конечности и сформировать внутри тела портативную машину времени, то запись нескольких мегабайт информации в мозг выглядит совсем уж тривиальной задачей.

Думал я по-прежнему на великом и могучем, но вот при попытке заговорить первой на язык ложилась чужая речь. Горло уже саднило от нужды извлекать непривычные звуки. «Интерлингв» – услужливо подсказал напичканный чужими знаниями разум.

Хм, так мне не только лингвистический словарь закачали, а еще и толковый? Я зашарил глазами вокруг, проверяя теорию и выискивая незнакомые предметы.

Уродливые нашлепки на потолке – колонии нанитов! Каких конкретно? А вот без понятия, специальных знаний мне не дали, лишь общие понятия. Вертятся в голове словоформы – террорульи, контрабордажные, диверсионные, МЧСные… Репликаторы, станции подпитки и подзарядки… Чужих якорей в голове немерено, но кто есть что – не опознаю даже под дулом ИМПа.

ИМП! Короткоствольный автоматик в руках моей конвоирши был не чем иным, как персональным импульсником, что бы это ни значило! ТТХ и принцип работы не назову, но силуэт вместе с маркером-понятием – вполне узнаваем!

Бедная моя головушка, крепко же в тебе поковырялись!

Вздрогнув от нехороших подозрений, я попытался прошептать малый боцманский загиб. Фух, работает! Не отняли у меня родную речь!

Летающая платформа неспешно лавировала по коридорам базы, иногда сигналя и попискивая – предупреждая о своем присутствии или требуя освободить полосу движения.

На нас косились. Персонала в коридорах хватало – научники, военные и прочий непонятный люд. Заемные знания пасовали – виды форм, нашивок и погон сливались в пестрый хоровод. Хрен я отличу униформу местного техника-ассенизатора от пилотского комбинезона. Как и попавший к нам хрен поймет, где генерал, где ряженный казачок, а где швейцар у дверей ресторана…

Помимо остальных забот крепко напрягало то, что все встречные были женского пола. Разного возраста, разной степени изношенности и мужиковатости – но бабы! И на мою распятую тушку косились столь жадно, что мне становилось откровенно стремно. Я чувствовал себя словно девственница, которую ведут обнаженной сквозь расположение первого грузинского горно-пехотного полка.

Где все мужики?! Алё?! Может, все это – просто съемки фильма для озабоченных мальчиков? Реализация мечтаний инфантильных менеджеров? Нет, не верю! Вокруг явно не декорации, а реальная работающая техника. Тележки с антигравами, невидимые жгуты, тяжелая броня, сидящая на ладных фигурках, словно вторая кожа.

Встречные – не актеры второго плана, а живые люди. От строя возвращающихся с пробежки девчонок в звездном камуфляже четко пахло разогретыми женскими телами. Сальные взгляды без притворства имели меня во всех позах, а дурман феромонов будил во мне первичные инстинкты.

Свою тележку я уже не только опасался и ненавидел, но где-то даже полюбил. Трижды ей пришлось прикрывать мое бренное тело направленными пологами силовых полей, а однажды, при встрече с группой особо борзых воительниц, грозно рявкнуть сиреной и хлестнуть по наглым рукам дугой разрядника.

Медицинский блок опознавался легко. Красный крест и змея, лакающая спирт из рюмки, однозначно идентифицировали очередной сектор базы. Кто бы мог подумать, что эмблема российских медиков сохранится через века?!

Тележка на секунду замерла, опознаваясь перед камерами систем безопасности. Шустрый обмен кодами доступа – и массивная дверь отъехала в сторону, а настороженная турель под потолком перевела спарку стволов на более приоритетную цель.

Мелькание дверей, перезвон снующих туда-сюда платформ и прочей роботизированной нечисти. Ленивая суета персонала. Тут на меня внимания не обращают. Видать, девчата-медики видят мужиков почаще, чем двухметровые пехотинцы, накачанные синтетическими гормонами по самые брови.

Колонна притормаживает перед табличкой «Зал модернизации № 1», игнорирует зло полыхающий маркер: «Не входить! Идет операция!» – пробивает голубоватый защитный полог и влетает вовнутрь.

К тому моменту мне уже стало откровенно хреново – четко отмеренная доза анестезии прекращала свой чудотворный эффект. Изломанное тело жаловалось на боль разморозившимся нервам, а те услужливо передавали просьбы в мозг.

Сквозь полуобморочную завесу пробился раздраженный голос:

– Какого черта ты притащила сюда это мясо?! Базовую имплантацию проводит ваш тупоголовый ИИ! Не мешайте творить истинно разумному!

Мужской голос! Оторвавшись от широкой палитры внутренних ощущений, я открыл глаза и мутным взглядом нащупал говорившего. Так и есть – мужик. Сухонький, лет пятидесяти, такой себе нервный пенсионер профессорского вида. На правом виске – золотой шунт разъема. Левый глаз – демонстративно искусственный, наблюдающий за реальностью во всех доступных диапазонах – от рентгеновского до ультразвукового.

За спиной у мужчины сверкал огнями прозрачный саркофаг с полуразобранным телом человека. Пол не определить – лицо аккуратно срезано и завернуто куда-то к затылку. Над открытой взгляду плотью шустро перебирали тонкими пальцами автоматические манипуляторы, то и дело вспыхивали спицы лазерного скальпеля, 3D-принтер заботливо наносил армирующую сетку металлического покрытия на обнаженные ребра.

Сопровождающая нас воительница безразлично пожала плечами и закинула парализатор в крепление на бедре – свою миссию по доставке она посчитала выполненной.

Принимая эстафету по охране особо опасных объектов, под потолком шевельнулся ствол стационарно оборонной турели. Секундная пауза на выбор приоритетной цели, и тонкое жало импульсника уставилось мне в переносицу. Лестно…

– Приказ Корнелии Прайм. Установка двух офицерских имплантов: пилотского и мастер-оружейника. Плюс – дополнительные модули, повышающие шансы на положительную реабилитацию объектов. В сопроводительном листе полная инфа и текст завизированного приказа.

Мне показалось или в ее голосе проскочили завистливые нотки? Хорошо быть бесправным рабом, на полном государственном пансионе? Так заключенным в тюрьмах бесплатно лечат зубы и обеспечивают довольно сносные условия для жизни. Вольному же человеку за все приходится платить из своего кармана.

Что, воительница, не тянут твои накопления на офицерский имплант? А может, и выслуга лет не позволяет?

– Даже так? – Док заинтересованно склонил голову и соизволил подняться из-за операторского пульта.

Ход операции над разобранным на компоненты несчастным не прервался. Наоборот, лишившись присмотра, автодок радостно сверкнул огнями и еще быстрее заработал манипуляторами, спешно разбирая позвоночник пациента на отдельные элементы.

Подойдя к тележке, доктор смахнул с висящего в воздухе экрана какую-то пиктограмму и развернул ее уже на своем планшете. Бледное лицо затворника озарилось нехорошей улыбкой:

– «…максимальный приоритет на выживание…» – во как! Когда уже Корнелия научится правильно формулировать приказы? Как была сержантом из «тяжей», так ею и осталась… Я ведь под это дело могу пересадить их мозги в планетарный узел обороны – будут пахать на сто четыре процента, обсчитывая орбиты околоземного мусора и таблицы стрельбы для артиллерии вспомогательного калибра… Но ведь живые!

Доктор засмеялся, затем потрепал меня по щеке, заглядывая в слезящиеся глаза:

– Эй, ты! Хочешь быть частичкой могущественного разума?.. Не понял?!

Док отшатнулся и раздраженно повернулся к сопровождающей:

– Почему он в сознании? Правила перемещения диких хронообъектов по территории базы для кого написаны? Он же до сих пор без страховки и внешнего управляющего контура! А тележки все глючные, генератор силового поля сбоит через раз!

Воительница кивнула на диагност носилок:

– Многочисленные повреждения конечностей и медикаментозная блокада позвоночного столба. Нулевая степень опасности. Но если ты, Док, записался в бюрократы, то не проблема…

Фигура в броне демонстративно извлекла из крепежа полицейский нейротик и задумчиво повела стволом, выцеливая наиболее уязвимые места на моем теле.

Док возмущенно замахал руками:

– Куда?! Отставить! Дуболомы! Кто потом будет токсин из его организма выводить?! Все, брысь отсюда, пехота безмозглая, сам разберусь!

Девушка хмыкнула, но послушно повернулась спиной и зашагала к выходу. Однако последнее слово не преминула оставить за собой.

– Корнелия Прайм передавала персональный привет и обещала непременно заглянуть в гости, если ее приказ не будет выполнен и этот самец сдохнет!

Медик явственно вздрогнул, гладко выбритую щеку стянуло в нервном спазме. Его сухая рука, украшенная то ли светящейся татуировкой, то ли сеткой вживленного оптоволокна, зашарила по нагрудному карману комбинезона. Секундная заминка, извлечение баллончика ингалятора без маркировки и длинный «пшик» в жадно расширившуюся ноздрю.

Оборачивался к ухмыляющейся воительнице уже не трусливый заяц, а разгневанный лев. Неведомое ширево действовало почти мгновенно.

– Пошла вон! Сгною в сифилитическом изоляторе! Накачаю эстрогеном, подниму «р-потенциал» – спишу в свиноматки, на племенной развод! Будешь рожать, пока брюхо шрамами не покроется или на мальчика не сподобишься, что вряд ли! Вон!!!

Побледневшая и явно струхнувшая конвоирша вытянулась по стойке смирно, уставным жестом ударила себя кулаком по груди и спешно нырнула в полог дверного проема.

Док счастливо заржал:

– Боятся, твари икс-хромосомные!

Уловив мой направленный на ингалятор взгляд, он спешно упрятал его в карман, затем доверительно подмигнул и заговорщицки понизил голос:

– «Берсерк-6», боевой коктейль из аптечки ББС. Знатная дурь, начисто сшибает тормоза! Только если потом не залечь на полчасика в регкапсулу – то так тряхнет отходняком, что паническая атака покажется детской сказкой на ночь… Ну а что делать? Нас семнадцать мужиков на всю базу! Не сможешь себя поставить – будут клеить постоянно, щипать за задницу, а то и вовсе затащат в казарму к тяжелой пехоте, накачают стимуляторами и будут трахать до пол-

ного отмирания детородного органа! Инспектора Квинтуса Серва разыскали только на четвертый день – девки прятали его в резервной каптерке, под стопками одноразовых гигиенических вкладышей для ББС. Хорошо хоть упаковывали предварительно в обесточенный бронескаф, подгузников-то там было – на целый батальон!

Помахав ладошкой у меня перед лицом, медик вновь заржал.

– Эй, как там тебя, Счастливчик? Какое дурацкое имя… Ты бы хотел сдохнуть под прессом бабского исподнего? Хм… Скучный ты собеседник… Ну, что там у нас на мониторе? А… Болевой импульс в красной зоне! И импланта нет, погасить химию организма нечем. Хреново, да? Ничего, терпи, бесправный, надсмотрщиком будешь!

Повернув голову в сторону, он четко произнес:

– Провизор, три куба смеси номер 741, из моего личного каталога!

Приятный, но не живой женский голос мгновенно отреагировал:

– Принято. Три куба, 741, «приватный список». Приступаю к синтезу смеси, готовность через семь… шесть… пять секунд… Формула нестабильна, рекомендованное окно использования: две минуты…

– Заткнись! Знаю… – Док вслепую протянул руку к окошку раздатчика, откуда на его ладонь выпал тускло светящийся шприц инъектора.

Медик ласково улыбнулся и прижал дозатор к моему плечу. Длинный «пши-и-и-к», нарастающая боль в мышце, быстро сменяющаяся абсолютным бесчувствием. Слух резко просел, в голове запорхали разноцветные бабочки, ласково обмахивая крыльями мой усталый мозг.

Док заворковал, словно наркодилер, нахваливающий первую бесплатную дозу:

– «Эвакуатор» такого не вколет, нет у него синтезатора! Стандартный полевой набор и легкая «дурь». А вот мой коктейльчик… м-м-м! Полное расслабление, снятие стресса и активизация разума! Чувствуешь, да?! Тело – как при глубоком наркозе, хоть ковер плети из нервной ткани! А мозги – кипят идеями! Главное тут – не перегореть, м-да… И чем ты мне приглянулся? Ведь двадцать кредитов за дозу! Ну, если ты, конечно, не главный медик базы, ха-ха!

Я бы кивнул или ответил матом, но плоть реально ушла в кому. Зрение, правда, обострилось, а мозги четко анализировали входящий поток инфы – мимику, жесты, интонации.

Вот Док на секунду задумался, нервно прикусил губу, а потом решительно скомандовал в потолок:

– Полная герметизация помещения, визирую личной сигнатурой! Идет операция класса «А».

Полог на двери уплотнился и из голубого стал багровым. Громче загудели кондиционеры, вспыхнул дополнительный свет. Стены комнаты потекли, меняя дизайн и аппаратную начинку операционной. Из технических ниш выскользнули и замерли в готовности медицинские сервы.

Док повернулся ко мне и подмигнул:

– Морфпластик! Одно из последних изобретений полноценного человечества. В формуле аккумулирующей смеси шесть процентов нанитов. Полсотни кредов за кубический дециметр! Впрочем, мы в армии, тут достаточно лишь написать грамотную заявку. Куда бабе тягаться с гением мужского разума, да? Эх, был бы жив наш суперкарго Аппий Квинтус… Как мы с ним сражались за каждую позицию! Это же собрание поэм было, а не служебные записки! Издать, что ли, отдельной книгой и жить припеваючи на роялти? Эх, мечты, мечты…

Я на секунду тоскливо прикрыл глаза – полубезумный шовинист-медик, любитель забористой ширки – вот портрет моего оперирующего хирурга. Полный пипец…

Док тем временем рухнул тощей задницей в податливое эргономичное кресло, развел руки широко в стороны, разворачивая полупрозрачные панели проекторных экранов. Длинные ловкие пальцы забегали по тоуч-интерфейсам. Как и многие одинокие люди, он продолжал бубнить в полголоса:

– А мы по старинке, ручками все, ручками… И никаких следов в логах персонального импланта. Дурочкам из СБ даже такую простенькую двуходовку не осилить, хе-хе…

Док работал слишком быстро – я едва успевал выхватывать из текста отдельные слова и обрывки фраз. «Складской учет»… «Закрытый фонд»… «Экспериментальные модели»… В животе неприятно похолодело – что творит этот псевдоученый?! Мне обычный пилотский гаджет надо! Ну, пусть офицерский, с двумя лейтенантскими звездочками! Летать я и вправду хочу, это всяко лучше, чем на таинственную «дойку» или на корм биореактору…

– …задача у нас какая? Обеспечить максимальную выживаемость! Бюджет и средства не оговорены, только цель! А это что значит? Значит, пришло время творческой импровизации! Когда еще такой шанс выпадет? Я вам покажу, чем отличается «гомо сапиенс» от «сапиенс артификалис»! Это вам не стандартные пехотные импланты вшивать по дюжине за сутки! Автохирурги гребаные! Вживил модуль и нанофабрику, зашприцевал пять литров базовых нанитов – и сразу: «ИИ-доктор высшей категории»! Да я пока первую операцию провел – двенадцать лет учился! У самого Мания Прайма, между прочим, мир его праху…

Невидимые захваты перегрузили мое тело в прозрачное нутро хирургического бокса. Над головой заелозил сканер, тонкие роботизированные лапки замелькали вокруг, вставляя иголки капельниц, готовя операционное поле и совершая десятки непонятных мне манипуляций. На крышке саркофага замигали отблески голубых и зеленых лазеров.

Док строго посмотрел на меня:

– Ты моргай там пореже! Тебе сейчас лазер череп вскрывает, погрешность измеряется в ангстремах, но микросотрясения нам ни к чему! Я б тебя совсем вырубил, но для тонкой оптимизации нужны живые реакции мозга. С дефолтными настройками пусть ИИ-Пирогофф работает. Истинный художник полагается только на интуицию! Хе-хе…

Смысл слов доходил до меня с трудом – запах паленой кости и шипенье рассекаемой лазером плоти гипнотизировали и сводили с ума. На лицо опустилась прозрачная маска, в легкие потекла смесь, богатая кислородом и какой-то успокаивающей химией.

Уже через минуту стало значительно легче, голос Дока вновь пробился сквозь барабанную дробь в ушах.

– …так, отсортируем по годам… Хм… И откуда у нас такая цаца? Даже драйверов нет. Трофейное, что ли, или в седую старину прислали на сертификацию? Эй, соколик, ты что предпочитаешь? Экспериментальный имплант для высшего флотского комсостава производства Российской Империи, индекс надежности «альфа-прим»! Правда, вот апробация практически нулевая… Или мажорский «Волант-9», для изнеженных деток аристо, насосавших себе на внутрисистемную яхту? Сдохнуть при установке он тебе, конечно, не даст, но и истребитель из тебя получится аховый – сгоришь в первом же бою… Мне вот и то, и то нравится, ни разу с ними не работал, а приказ высшей категории позволяет брать со складов все, что посчитаю нужным! М-м-м… Соблазн!

Док вскочил с кресла и нервно заходил по комнате, задумчиво теребя себя за костлявый подбородок.

Я же лежал молча, с тихим фатализмом наблюдая в отражении зеркальных поверхностей, как автохирург бережно пластует мою тушку. Тело вскрыто размашистым икс-образным разрезом – от плеч к пяткам. Кожа растянута зажимами, мышцы аккуратно разбираются по пучкам и разводятся в стороны, оголяя белоснежные кости, узлы сухожилий и бьющиеся сумасшедшим пульсом вены. Организм хоть и не чувствует боли, но происходящее ему явно не нравится.

Рядом вздохнул безумный профессор:

– Эх, Корнелия, Корнелия… Мне моя задница, конечно, дорога, но наука – важнее! Ну-с, что там наворотили эти имперцы? Ого! Ковровская лаборатория, партия «три нуля», спецзаказ для «Высшего Командного» на Рязани-Звездной! Лихо… Серийник-то по базе хоть пробивается? Ай да молодцы! Как там говорил легендарный ИИ-Мордор? «РИ-коммунизм –

это прежде всего контроль и учет!» Что у нас в сопроводиловке? Минорная спецификация и операционные кроки, формула нанитов для синтезатора… Святой Асклепий! Двенадцать кило наномассы, да еще такой чистоты и плотности! Богато жили варвары, пока через них Рой не прошел… Ладно, что у нас максимально близкое по характеристикам? «Звездная пыль» на алмазной кристаллической решетке? М-да, мечтать не вредно… Хм, а разукомплектую-ка я пару адмиральских имплант-комплектов! Все равно уже шестьдесят лет как валяются без толку. Компенсирую качество количеством. Так даже интересней! Внесем в закрытый цикл проекта свежую новаторскую идею!

Автохирург, все это время подсушивавший потоком теплого воздуха мои невольно текущие слезы, устал бороться со слабостью человеческого организма и раздраженно брызнул на слизистую какую-то медикаментозную дрянь. Веки мгновенно парализовало, а глазное яблоко покрылось плотной прозрачной пленкой, как у легендарных драконов…

Док отбарабанил по экрану длинный список команд и заказов, затем долго препирался с различными потоками хозяйственных ИИ. Бухгалтерским, складским, курьерской службы и не поймешь какими еще. Пару раз даже лично куда-то звонил, используя разрешительную визу Корнелии как бронебойный аргумент. Даму боялись настолько, что легко шли на мелкие административные нарушения, извлекая из запыленных хранилищ запрашиваемые реагенты и срывая печати с номерных ячеек хранения.

Представляю такой приказ в грозном тридцать девятом году. «Выдать подателю сего все, что потребуется для выполнения поставленной задачи!» И подпись: «комиссар ГБ Л. П. Берия». Ну или там: «Г. К. Жуков» – тоже, говорят, был дядька крутого нрава. К стенке прислонял на раз-два…

Мой разум время от времени плыл, пытаясь сбежать в спасительную пустоту от ужасов вивисекции по живому. Однако умная техника зорко следила за состоянием разобранного на ремкомплект существа. Чуть что – и маска наполнялась бодрящим туманом с резким запахом. Мозг получал чувствительную оплеуху, глаза поневоле наводили резкость, а уши вновь улавливали негромкое бормотание.

– …двойной слой композита на кости и демпферную подушку в черепную коробку. Синтезатор гормонов и кардиоводитель – упрячем поближе к основным сосудам, автомед «последнего шанса» – туда же. Ты у меня ускорение в тридцать «же» выдержишь, как и пулю в сердце… Ну, по крайней мере – должен выдержать, хе-хе… Что там у нас с бюджетом? М-да… Триста тысяч кредитов… Эй, вьюноша, гордись! Твоя начинка уже стоит как дом в пригороде Нового Рима! Однако наглость должна иметь свои границы, дальше напрягать лабораторные фонды нельзя, так ведь и под трибунал залететь можно… М-м-м… Выпустить тебя недоделком? А вдруг и вправду сдохнешь к утру? Знаешь, полежи-ка ты пока в распакованном виде, а лучше – поспи часиков двадцать. Ну, а я займусь твоей напарницей. Очень, очень интересный случай. В мой бестиарий заглянули сиамские разнополые души, ну кто бы мог подумать? Весело вам будет вместе. Вряд ли долго, но однозначно весело… Хм, а что, если нам пойти по пути «пробойника» и объединить индивидуальные ресурсы двух персоналий в единое ядро? Вы ведь все равно друг от друга никуда не денетесь… Какая нетривиальная задача! Ну-с, приступим!

Лина парила в персональном коконе нулевой гравитации. Шевелить можно было только глазами – чем она усиленно и занималась, изучая окружающее пространство сквозь розоватую взвесь «околоплодных вод». Дышать приходилось по-младенчески – в жидкой среде. Комфорта это не добавляло, наоборот, будило старую фобию, заработанную еще на морском отдыхе. Закрутило ее однажды волной, утаскивая вглубь и крепко прикладывая о камни галечного пляжа. Может, и утопило бы, да повезло – спасатель на вышке совмещал приятное с полезным: жадно следил за ладной фигуркой симпатичной купальщицы…

Постоперационный бокс не баловал обилием впечатлений. Стерильное помещение со стойкой дежурного медсерва плюс четыре цилиндра дорогущих регкапсул. Причем не армейский вариант – с урезанным до предела функционалом, а вполне себе полноценные системы «Эскулап-9.2». Достойное украшение планетарного госпиталя средней руки.

Лина сама не знала, откуда в ее голове всплывали нужные знания. Однако ничему не удивлялась. После того как безумный доктор выдернул ее из глубин блаженного беспамятства, она успела разглядеть немало. Например, то, как работал автохирург над мозгом Павла, напыляя блоки долговременной памяти на внутреннюю поверхность вскрытого черепа парня.

Павел… Спаситель, собрат по несчастью и пожизненно навязанный спутник. В первого можно было влюбиться, второго – пожалеть, третьего – возненавидеть.

Умение любить давно сгорело вместе с испаряемой кислотой плотью.

Жалеть получалось только себя.

А ненависти хватит на целый полк мужиков. Ведь именно от них пришла эта боль и уродство…

И что теперь делать?

Монитор ее автодока время от времени раздраженно попискивал, удаляя из кокона лишний объем соленой влаги. Набухающие на ресницах слезы нарушали тонкий химический баланс «околоплодных вод».

Лина смахнула ресницами очередную каплю и вновь перевела взгляд на обнаженную фигуру парня, парящего в соседней капсуле. Вот как дальше жить в этом дурацком искусственном тандеме?

По скупым обмолвкам Дока, в регкапсулах мы с Линой провели неделю. Выписали нас одновременно с остальными «попаданцами» нашей несчастливой тринадцатой группы. Синхронизация объяснялась просто – персональные регенераторы достались только нам. Остальные восстанавливались «по старинке» – плавая в вязком киселе рекреативного геля. Дешево и сердито, включая стандартный процент послеоперационной смертности. Так наша группа потеряла еще одного человека…

Мы же боролись за жизнь. Мой организм отторгал щедрые дары медиков и раз за разом впадал в кому или уходил за грань клинической смерти. Продвинутая аппаратура откачивала плоть, но с огромным трудом удерживала душу. Именно душу – по нынешним понятиям это практически такой же орган, как и любой другой. Со всеми ее болезнями, отмираниями и даже пересадками…

Меня спас якорь в виде Лины. Случайно разорвать астральную связь не так-то просто, а тащить *за грань* невинную душу я не хотел и не мог. К тому же девушка очень болезненно реагировала на каждую из моих смертей. Даже будучи погруженной в искусственный сон, она вздрагивала, просила остаться и едва заметно плакала. Терять кусочек себя – бесконечно страшно…

Маятник сжимался, высшие планы бытия отторгали бракованную душу, и меня вновь отбрасывало в физический мир, прямиком в ментальные объятия Лины. Мы смущались, словно оказывались случайно прижатыми в транспорте друг к другу, когда на ней – легчайшее летнее платье, а на тебе – лишь легкие шорты. И не отвернуться, и глаз не отвести. Остается лишь краснеть, смущаясь, желать – больше чем бессмертия, и влюбляться – беспощадно и навсегда…

Из тысячи человек нас осталось семьдесят три. Куда делись остальные – думать не хотелось, да и не было особых сил. Надеюсь, что большинство все же выжило, хотя подстегнутое повышенной температурой воображение рисовало коптящие трубы крематория… тьфу… биореактора…

Пошатываясь, мы брели по коридорам базы, словно колонна военнопленных, шаркающая по улицам взятого на меч города. Конвоирши и наши серые безликие комбинезоны удачно дополняли картину.

Как в старые добрые времена, на запястье вновь белел жгут медицинского монитора. Импланты еще не вышли на режим, и наше состояние приходилось отслеживать внешними девайсами.

Передо мной вышагивал невысокий плотный паренек, один из немногих, кто сохранил живой блеск в глазах. Он жадно крутил головой, цепляясь взглядом за любые технические приблуды и вполголоса проговаривая их названия и спецификации. Иногда он смешно морщил лоб, натыкаясь на что-то незнакомое и непонятное.

Несмотря на внутреннюю помятость организма и неясные перспективы будущего, мы с Линкой были настроены оптимистично.

Во-первых – ноги и глаза! Тому, кто не сползал с инвалидной коляски и не переваливал обрубок своего тела в ванную – не понять! Ну а тихое счастье Лины я впитывал всеми фибрами обостренных чувств! Видеть! Просто видеть все вокруг! Как это потрясающе!

Хотите осознать? Завяжите себе глаза черной повязкой на сутки, а лучше – на неделю. И попробуйте пожить без одного органа чувств. Узнаете о себе много нового и научитесь ценить и беречь собственное здоровье. Оно ведь не навсегда нам подарено и может подвести буквально сегодня. Хлоп – и тьма! Навсегда…

В широком ангаре нас построили в одну шеренгу. Народ настороженно крутил головами, оценивая обстановку и товарищей по несчастью. Жесткая выборка сделала свое дело – вокруг хватало откровенно тревожных персонажей. Резких, агрессивных и, главное, не глупых. Сложно нам будет ужиться вместе…

Лязгающий звук шагов заранее предупредил о визите высокого, в буквальном смысле, начальства.

Корнелия Прайм! Подполковник, за какие-то грехи задвинутая на должность командира научной базы Флота, проводящей довольно успешные эксперименты в рамках проекта «Хронос». Информация, может, и секретная, но имеющий уши – услышит. Дисциплина в женском коллективе крепко хромала на все четыре лапы. Трепались даже караульные на постах! И это при внушающей ужас личности Корнелии. Боюсь представить, что творится в рядовых гарнизонах…

Подполковник брезгливо осмотрела наше разнокалиберное воинство. Возраст – от семнадцати до пятидесяти, рост и вес – любые, на каждые восемь мужиков одна женщина.

Сплюнув на стерильный пол, Корнелия заговорила, давя басами и инфразвуком сквозь внешние динамики.

– «Тринадцатая»! Вы оправдываете свою никчемность! Коэффициент шлака – девяносто три процента! Пожалейте биореактор! Емкости с протоплазмой забиты под крышку! Впрочем, вы сами себе деревянные роботы… В виртучебке таким составом будет очень непросто. Боги – они на стороне больших батальонов. А у вас – полурота! Взвод «тяжей», взвод пилотов и россыпь бесполезной мелочи в нагрузку. Крейсер в аварийном режиме вам на голову, «тринадцатые»! Визируйте завещание цифровой подписью! А впрочем, откуда у вас собственность? Вы сами с потрохами принадлежите государству, да еще и с солидным долгом на лицевом счете. В среднем – по сто тысяч кредитов на уродливое небритое рыло! А некоторые и вовсе умудрились напихать в свое никчемное тело столько тонкой нанотроники, что светит им чугунный болт в космической окалине, а не дембель в ближайшие сто лет! Впрочем, в этом есть и свои плюсы…

Корнелия многообещающе посмотрела на меня. Сетка шрамов на ее лице сложилось в подобие улыбки, зрачок правого глаза расширился в цифровом «зуме» и асинхронно зашарил по моему телу, смакуя наиболее вкусные места.

Я вздрогнул и попытался затеряться в складках собственного комбинезона. Лина мгновенно сэмпатила мои чувства, грозно расширила ноздри и даже чуть качнулась вперед, стремясь прикрыть от плотоядного взгляда. Девушку штормило из крайности в крайность – от чистой незамутненной ярости до неосознанной, но сильнейшей тяги – обнять, прижаться и мурчать счастливым котиком.

Подполковник иронично ухмыльнулась. Ее забавляла агрессия хомячков. Личное нежелание грызунов быть обтисканными заботило ее меньше всего.

Подойдя ко мне поближе, она шепнула на пол ангара:

– Счастливчик. Не думай, что, отлежавшись в регкапсуле, ты срулил на форсаже от ласковой тетушки Корнелии. Чтоб каждую увольнительную был у меня – четко, как антенна дальней связи! Ну а я подкреплю это дело приказом по инстанции, ха-ха!

Заржав, она махнула в сторону пузатого транспорта с мощными атмосферными дюзами и рудиментарными крылышками.

– На посадку, члены ходячие! «Колизеум», конечно, не самая престижная учебка ВКС, ну да и вы не аристо в третьем поколении. Учитесь, как должно флотскому составу, и будьте так любезны – героически сдохнете в первом же бою! Быть может, тогда всю эту гребаную лавочку прикроют, а меня отправят в регуляры… Чао, деревянные!

Глава 4

Земля. Россия. Кремль. Отрывок совсекретного доклада:

«…последняя активность корабля-сеятеля наблюдалась 18 апреля. Закончив выброску артефактов над территорией Японии, НЛО завис на геостационарной орбите над Тихим океаном.

Спустя шестьдесят четыре часа с борта корабля был выдан кодированный радиосигнал в нестандартном для нас диапазоне частот.

Сразу же после этого все носители инопланетного артефакта мгновенно потеряли разум. В случае когда кристалл еще не был привязан к конкретному владельцу, то он так же разряжался в едином импульсе, трансформируясь в тривиальный бриллиант и превращая ближайшего к себе человека в пускающее слюни растение. Дистанция захвата – до ста двадцати метров.

Так, батальон охраны спецхранилища номер пятьдесят два потерял более семидесяти процентов личного состава.

Все медицинские тесты показывают нулевую активность мозга. Экстрасенсы и истинные церковники на редкость синхронны – по их словам, у всех пострадавших отсутствует тонкое астральное тело – душа…»

Внутри трюма мы оказались предоставлены сами себе. Лишь на секунду к нам заглянула разбитная деваха в легком комбезе летного состава и с выбритыми полосками на голове, сверкающими золотыми шунтами нейроимплантов.

Пугая хищной улыбкой, она продемонстрировала нам принцип работы ремней безопасности на широких и жестких откидных креслах, рассчитанных на бойца в тяжелом ББС. Ее руки мелькали неуловимо быстро и словно жили своей жизнью, успевая ловко щелкать застежками и скользить горячими ладошками по нашим телам.

Казалось бы, всего две минуты ароматного урагана, а облапанной оказалась добрая половина мужского состава «чертовой дюжины». Парни лишь ошеломленно переглядывались, смущенно пряча друг от друга глаза. Наблюдающие со стороны девчата группы едва сдерживали истерическое хихиканье и украдкой вытирали слезы. Первый смех после переноса…

Напоследок предупредив, что «полет будет жестким», пилотесса порекомендовала нам «не шалить» и многозначительно ткнула пальцем в настороженную спарку противоабордажной турели под потолком.

Я понимающе кивнул. Пара импульсников может за несколько секунд насытить объем трюма сотнями мягких травматических боллов, укладывая всех буйных на палубу с повреждениями легких и средних степеней.

Вообще, заемная ассоциативная память постепенно размораживала нейронные связи и все щедрее снабжала информацией. К примеру, контур шатла я довольно уверенно опознал как «многоцелевой десантный бот, класса «Хомяк». Многочисленные слоты на броне и короткие рудиментарные крылья, или на летном жаргоне – «щеки», предназначенные не для атмосферных полетов, а для навешивания стандартных оружейных модулей, меняющих конфигурацию кораблика от «тяжелого штурмовика» до неподвижной башни «стационарного узла обороны».

Набирая мощь, сдержанно заревели маневровые движки. Дрожь вибрации передалась с внешнего прочного корпуса на армированную скорлупу пассажирской капсулы. Народ засуетился, спешно занимая места вдоль стен и клацая замками ремней. Бот приподнялся на силовых захватах ангара и едва заметно качнулся, выводимый в проем ворот невидимыми жгутами

магнитных полей. Тревожно рявкнула сирена, предупреждая о чем-то стремном и прощаясь с лузерами, не успевшими пристегнуться, а затем шатл резко рванулся в небо!

Семь десятков глоток хекнуло в унисон – ускорение в невесть сколько «же» словно ударом тяжелого копыта вышибло из легких воздух. Повторно вдохнуть не удавалось – все тот же конь-тяжеловоз мурчащим котенком устроился на груди, выдавливая глаза из орбит и проверяя прочность нашего реберного каркаса.

Дружно запищали браслеты на руках хроно-попаданцев, в запястье кольнула крохотная иголка персонального инъектора. На фоне закритичных перегрузок в аварийном режиме активировался спящий имплант. На периферии зрения замигали контрольные таблицы и длинные столбики прогоночных тестов. Умное устройство определило степень и источник угрозы и разродилось сложным визуальным алгоритмом объемной связки: «*предсказание события – рекомендуемые варианты действия – вероятный вектор исхода*».

Пилотам повезло. То ли закончилась фаза набора высоты, то ли одернула служба полетного контроля, однако перегрузка резко спала, и шатл плавно заскользил по маршруту, больше не пытаясь поразить нас фигурами высшего пилотажа. Повезло же девчатам в том смысле, что суть выдаваемых имплантом решений по нейтрализации угрозы своему носителю была далека от гуманных.

Относительно безобидные варианты: «*генерация и отправка рапорта о нарушении полетного режима при транспортировке незащищенных нон-комбатантов*» или «*наложение (устного/письменного/с занесением в учетку) (взыскания/наказания) в рамках вилки разницы званий*» перемежались более агрессивными: «*вскрыть переборку в помеченном маркером месте и разъединить оптоволоконную гребенку энергоконтроллера*». Либо «*лишить сознания соседа слева и, прикрывшись его телом от огня ИМП-К-1х2, вскрыть шлюз доступа в пилотский отсек. Скрипт перебора кодов прилагается. Несущая частота опознавания – обнаружена*»…

После исчезновения угрозы имплант еще несколько секунд мониторил окружающую обстановку, затем раздраженно мигнул текущими статусами модулей и отключился. Я едва успел ухватить краем сознания кусок системного лога:

…Фильтры крови. Статус: ОК. Ресурс: 99 %. Нагрузка: 27 %.

…Нанофабрика. Статус: ОК. Ресурс: 96 %. Нагрузка: 99 %. Запасы рабочего тела: 72 %.

…Нейросеть. Статус: Приживание завершено на 14 %. Ресурс: 100 %. Нагрузка: 0 %.

…Дубль нервной системы. Статус: Проращивание завершено на 9 %. Ресурс: 100 %. Нагрузка: 0 %.

…Блок ПЗУ. Статус: ступенчатая разархивация данных. Ресурс: 99 %. Нагрузка: 46 %.

…Блок ОЗУ. Статус: Желтый. Не проходит селф-тест ЕК81ХХ3, требуется вмешательство техника. Ресурс: 99 %. Нагрузка: 3 %…

Пока я переваривал увиденное и осознавал степень киборгизации собственного организма, народ вокруг потихоньку приходил в себя. Послышался сдавленный мат и крепкие мужские проклятия в адрес летунов. Немногочисленные девушки-попаданки – а набралось их едва ли с десяток, старавшийся держаться вместе, – в выражениях так же не стеснялись.

– Руки бы наманикюренные этим сукам поотрывать… – прошептала сидящая справа Лина.

Мешковатый комбинезон удачно маскировал изгибы спортивного тела и лишний раз спасал нас от яростных вспышек женской агрессии. Стоило лишь девушке засечь оценивающий взгляд, как ее голубые глаза переполнялись холодной плазмой и желанием испепелить похотливого мужлана.

Меня поневоле накрывало отдачей, и я уже откровенно подзадолбался испытывать на себе нелогичный бабский гормональный шторм. Руки начинали подрагивать, а разум под-

зуживал влепить хук с левой, дабы погасить этот фонтан. Теперь уже Лина ловила мои эмоции, и в зависимости от положения Сириуса в созвездии Девы могла возмущенно раздуть ноздри либо виновато потупиться и захлопать ресницами подозрительно заблестевших глазок.

Вот такой вот чувственный пинг-понг. Прав был Док – жить нам предстоит весело…

В трюме на секунду полыхнула вспышка силового щита. Это выбравшийся из кресла красавец-грузин растопырил было пальцы веером и попытался вломиться в пилотскую кабину и разобраться с дерзкими пилотессами.

Спарка огонь открывать не стала, лишь брезгливо отбросила наглеца упругим щитом. Впрочем, отмахнулись от него довольно жестко. Отлетевшее от пинка тело впечаталось в закрытую аппарель и беззвучно сползло на палубу. Нокаут…

На посадку заходили резко, но отнюдь не противозенитным маневром. Желудок взбрыкнул, рот наполнился кислой желчью. Пищевод был стерилен – всю неделю мы питались исключительно внутривенно.

Касание опор о поверхность практически неощутимо. Кресла десанта крепятся к внутреннему бронированному кокону, дабы сберечь нежный груз в случае близких подрывов и аварийных посадок. Девчата нас явно пожалели. В режиме десантирования шатл падает с ускорением свободного падения, а то и вовсе вколачивая себя в атмосферу маршевыми движками, и тормозит лишь на последних сотнях метров крутой траектории.

Пандус распахнулся стремительно, сирена зло рявкнула, мигнула красным маячком и подстегнула нас инфразвуковым всплеском. На выгрузку, мясо!

«Тринадцатая» ломанулась наружу. Мне пришлось укрыть спиной Лину, дабы особо нервные товарищи не затоптали ненароком моего мастера-оружейника. Торопыги разлетались, как кегли. Я и раньше был парнем не мелким, а сейчас и вовсе тянул далеко за сотню кило. Армированные кости, искусственные суставы, многочисленные модули и ведро сверхтяжелых наноботов – сплошные редкоземы из нижней части таблицы Менделеева – все это дело добавило организму пару пудов высокотехнологичных сплавов.

С болезненным «ой, мама!» от меня отрикошетил очередной слепец – тот самый невысокий паренек, что вышагивал передо мной в строю и чуть было не свернул себе шею, рассматривая технические диковинки. С трудом удержавшись от желания дать пинка под пухлый зад, я ухватил упитанного пацана за шкирку и хорошенько встряхнул его в воздухе:

– Глаза разуй! Куда ломишься?!

Парень нервно оглянулся на полосующий толпу звуковой излучатель.

– Так страшно же… Как дало в голову – забыл, как маму звать…

Я указал подбородком на затор у шлюза. Снаружи доносился довольный женский смех – очередной бабский батальон скрашивал серые служебные будни плоскими шутками над новичками.

– Не лезь, затопчут. Да и гордость имей. Становись впереди, по мне эта хрень что-то стесняется лупить. Как самого-то зовут – не забыл?

Пацан наморщил конопатый нос.

– Не! Макар я! В технари записали… Сказали, покрутить истребителям хвосты пару лет, пройти курс персональной гормонотерапии, затем год «дойки», а потом, может, и самому летать разрешат! А «дойка» – это что? У меня в голове каша какая-то… Четко знаю, что на жаргоне летной палубы так называют принудительный слив остатков БК и отходов реактора из накопителей. Однако чую какой-то подвох… Мне что, год в «горячей» зоне сидеть? За что?!

Я переглянулся с Линой и качнул головой:

– Вряд ли Макарка, вряд ли… Ну поглядим еще, может, и не попадешь ты на свою ферму… Судя по искусственному звездопаду, народу с Земли натырили знатно. А иди-ка к нам техником? Я успел мельком глянуть на статы навязанной «профы» – на тяжелый истребитель

полагается персональный технарь. Это на «ястребки» идет один «крутильщик гаек» на звено, а за офицерским экипажем закрепляется своя нянька.

Паренек – а ему вряд ли можно было дать больше шестнадцати – возмущенно вскинулся:

– Какие гайки?! Этим сервоботы занимаются, причем я одновременно могу «рулить» сразу тремя! Ну… если они, конечно, однотипные…

Тут он осекся на полуслове, когда сквозь завесу зарождающейся профессиональной деформации до него дошел смысл сделанного предложения. Глаза Макара загорелись надеждой:

– На «тяж»?! Конечно, хочу! А какой у вас?! «Оса»? А может, «Шмель»? Лучше бы «Шмель»! Там помимо пассивных полей есть еще и активные щиты! Вектор силы у них, правда, маловат, и энергии жрут – мама не горюй, но ведь вещь! Выживаемость выше на треть, чем у машин однотипных классов! Ремонтопригодность, универсальность! Да что говорить! Верфи «Волга-Дон космический» – этим все сказано! Знак качества!

Я вновь покосился на Лину. Девушка улыбнулась и удовлетворенно кивнула. Во-первых, парень не косился на нее сальными глазами. А во-вторых, похоже, что процесс разархивации данных из ПЗУ лег на благодатную почву – техником он станет отличным! Я вот из его торопливой речи мало что понял…

В очистившемся проеме грузового люка появилась грозная фигура в легкой полевой броне и глухом тактическом шлеме. Усиленный динамиками голос рявкнул:

– Вам что, личное приглашение от Диктатора надо?! Движки на форсаж, построение через семь секунд, время пошло!

В качестве аргумента в руках девушки затрещал искрами жезл шокового разрядника.

Не сговариваясь, мы рванулись на выход. Судя по смачному шлепку и очередному «ой, мама!», Макарке вновь прилетело по мягкому месту.

Толпа щурящихся на ярком солнце попаданцев перетаптывалась на огромной равнине взлетного поля. Камуфлированная бетонная нашлепка радиусом в пару километров темнела стеклянными подпалинами плазменных выхлопов. Доводилось кому-то садиться или взлетать на маршевом движке, без услужливой поддержки силовых полей стартовых катапульт.

Вокруг «тринадцатой», словно пастушьи овчарки, крутился десяток девушек-сержантов. Формируя из толпы строй, воительницы не скупились на пинки и не экономили заряды шокеров. Линия постепенно выравнивалась, мазохистов и особо тупых в нашей группе не наблюдалось.

Над головами ненавязчиво барражировал шар ударного дрона-беспилотника. Эдакая мелочь – с футбольный мяч размером, а дури в нем – хватит на уверенное подавление современной стрелковой роты…

Мы юркнули в хвост колонны, за что удосужились недовольного взгляда от стоящего в стороне… хм… Терминатора? Старший офицер этого балагана когда-то был мужчиной. Сейчас от него остались лишь голова и огрызок позвоночного столба. Все остальное ему заменяли сталь и высокопрочные композиты, демонстративно выставленные напоказ. Оружейная сбруя одеждой не являлась, и солнце вовсю резвилось на блестящих поверхностях искусственного тела.

Киборг явно считал наши с Линой данные и повелительно махнул в сторону правого фланга построения:

– Вы, двое! В голову колонны, марш!

Пришлось занять указанное место, причем я вновь уловил чей-то обозленный взгляд. На этот раз от бывшего правофлангового – здоровенного и угрюмого мужика. Хм, кто-то уже спешит сделать карьеру?

Набычившись, не менее зло зыркнул в ответ. Не хрен мне тут спину сверлить, недовольство свое показывать! Терпилы остались на Земле либо кормят биореактор.

– «Тринадцатая», смирно! – рявкнула стоящая в стороне девушка, украшенная снующими по телу татуировками. Легкая тога-разлетайка не скрывала соблазнительного тела. Однако бегающий по коже спектральный узор мгновенно ломал мозг и отбивал всякое желание разглядывать сочную плоть.

Ментальный посыл команды был столь силен, что строй моментально вытянулся в струнку! До хруста позвонков, до лезущих от усердия глаз из орбит!

– Пси-мод… – прохрипел кто-то из бойцов второго ряда.

Там стоял наш «шлак» и «довесок», как ехидно выразилась Корнелия Прайм.

Медики и суперкарго, погонщики ботов поддержки и операторы тяжелого вооружения, технари всех сортов и бог весть кто еще, сохранившие репродуктивные функции и избежавшие попадания в отбраковку. Как с грустью выразился один из собратьев по несчастью, бывший программист, а ныне ки-мод, рядовой тяжелой пехоты: «Условно годен для разбавки генома». Ему дали год отсрочки для пополнения спермобанка Пятого Рима, а затем ИИ взвесит сумму баллов на учетной карте и решит: а нужен ли такой балласт армии?

– Вольно! – негромко отмахнулся от нас киборг.

Стальные руки чужой воли мгновенно ослабили хватку. Строй мелко задрожал и захрипел на разные голоса. Терминатор презрительно улыбнулся одной половинкой рта и вновь заговорил:

– Приветствую вас в «Колизее» – виртучилище ВКС! Я, капитан Луций Романофф, являюсь куратором эксперимента «Хронос» в стенах данного учебного заведения. Следующие пятнадцать лет вы проведете именно здесь! Без десяти тысяч часов налета и серебряной звездочки вирт-аса – вы отсюда не выйдете!.. Разве что – в виде топливного брикета…

Народ ошеломленно загомонил, переглядываясь и ища поддержки у соседей. Пятнадцать лет учебы?! Да кое-кого из присутствующих к тому времени уже спишут на пенсию или действительно скормят биореактору!

Луций вновь криво усмехнулся:

– Расслабьте ягодицы, теплокровные! В реале пройдет меньше года – время в вирте разогнано в шестнадцать раз! Точнее – в шестнадцать целых и три в периоде. И не спрашивайте, почему коэффициент именно такой – в нашем секторе пространства теорию временных струн понимает лишь десяток ИскИнов да пара-тройка старцев от науки.

Народ облегченно выдохнул и вновь уставился на киборга. Мы и сами теперь не совсем люди – железа в наших телах ощутимая доля. Однако между ки-модом и полноценным киборгом – пропасть. Причем гораздо большая, чем между бананом и человеком – у тех хоть ДНК совпадает на пятьдесят процентов…

Я с удивлением прислушался к себе. Оказывается, вместе с абстрактными понятиями языка мне передались и эмоциональные окрасы образов. Не знаю, чьи знания заложили в мою голову, однако их первоначальный носитель откровенно недолюбливал терминаторов, опасался женщин в броне и истово боготворил истребители.

Капитан продолжал вещать. Легких у него явно не сохранилось, как и потребности открывать рот для извлечения звуков. Так что сейчас над космодромом лязгала сталью резкая речь из внешних динамиков.

– …проведенная над вами альфа-модернизация практически бесполезна без должного единения с психомоторикой организма и слияния разума с функционалом и возможностями импланта. По сути, в вас заложено лишь зерно, которое вам еще предстоит вырастить. Бережно и очень кропотливо, удобряя его своей кровью и поливая потом! Степень личного «разгона» упирается исключительно в вашу веру и трудолюбие! Решите в уме тысячу интегралов – и наниты укрепят образовавшиеся нейронные цепочки, промаркируют их адресами-указателями и занесут в рабочую таблицу ресурсов. После этого данный сектор мозга станет досту-

пен для текущих и фоновых задач, а ваши интеллектуальные и мнемонические способности возрастут!

Киборг осторожно постучал себя стальным пальцем по фиолетовой бронепластине виска, украшенной насечкой периферийного радара.

– Стреляйте, нарабатывайте снайперский скилл – один раз усвоенное и приобретенное уже никогда не забудется и всегда будет под рукой, складывая параметры раскачанных характеристик и умений. Точность, владение данным видом оружия, восприятие, модификаторы от личностных связок «достижение-вера» – все это скажется на результатах выстрела! Летайте, спите в ББС, тягайте в качалке килотонны железа! Имплант не позволит вашим усилиям пропасть зря! Простимулирует должные участки мышц, размягчит, а затем укрепит связки, закрепит тактические наработки!

Кто-то из молодых парней в строю довольно потер руки. Практически игровая система прокачки умений пришлась юным кадетам по вкусу. Я задумчиво приподнял бровь – играть мне доводилось, а после вынужденного переселения в инвалидное кресло – даже больше, чем нужно. Угробленные в симуляторах годы – мое стратегическое преимущество?

– Раньше полноценный «разгон» бойца отнимал у нас не меньше десяти лет. Десять лет жесткого, выводящего за грань возможностей тренинга! Миллионы кредитов, кубометры боеприпасов, тысячи часов моторесурса и время, драгоценное время жизни! Самые продуктивные и бесстрашные годы! Когда ты еще веришь в собственное бессмертие, когда семья не приковывает к планете орбитальным лифтом, а деньги нужны только на легальные нарки и девчат из лупанария…

Вновь оживление в наших рядах. Прошло почти тысячелетие, однако базовые ценности безбашенных прожигателей жизни все те же… Многие из нас начинают утро сразу с тройной дозы наркотика – кофе с ложкой коньяка и сигаретой. Ну а девушки… Да как же без них?!

Рядом возмущенно фыркнула Лина, а я спешно отвел глаза от точеного силуэта стоящей около киборга воительницы, демонстративно похлопывающей себя стеком по бедру. Хм, разве это по уставу – носить белый шелковый китель, столь нагло просвечивающийся на солнце?

– Виртуал решил большинство из этих проблем! Год реала, и большинство из вас станет ветеранами сетевых баталий! Вирт практически неотличим от реальности и прощает многие ошибки, даже летальные!

Кто-то из особо смелых или глупых протянул руку вверх, желая задать вопрос. Я скосил глаза на безумца – обычный щуплый парнишка, еще не избавившийся от привычки близоруко щуриться.

Луций хмыкнул, однако благосклонно кивнул.

– Спрашивай.

Юноша поправил несуществующие очки, поморщился на прозвучавшее в спину «ботаник!» и, чуть картавя, выдал заумное:

– Не кажется ли вам, что за пятнадцать лет игрового бессмертия мы приобретем пагубную самоуверенность и полностью лишимся чувства самосохранения?! Нет, если вам нужны камикадзе, слепо таранящие на истребителе вражескую Звезду Смерти, тогда, конечно, да…

Киборг резко отмахнулся ладонью, прерывая философствующего парня. Кстати, вопрос оказался толковым, поэтому в ожидании ответа я насторожил уши.

– Сомнения понятны. Нет, не кажется! По двум причинам. Первое – смерть в вирте отнюдь не рядовое событие, и к тому же очень болезненна. Нет, не так. ОЧЕНЬ болезненна! И второе. Умирать в реале все-таки можно. Не всегда и довольно-таки дорого, но можно. Демонстрирую…

Из-за спины Люция, над его правым плечом, мгновенным неуловимым движением поднялась турель с лазерным излучателем. Свист накачки практически совпал с коротким зеленым росчерком, упершимся в голову Ботаника.

– Бум!!! – мгновенно вскипевшая кровь разнесла череп, как попадание разрывной пули в спелый арбуз.

– Стоять!!! – яростный вопль-команда психоника парализовала наши конечности и приморозила к бетону поля.

Мы стояли под жарким солнцем, ошеломленные и заляпанные серо-бурым месивом. Ближних соседей Ботаника рвало желчью, прямо в не предназначенной для этого стойке «смирно».

Турель на плече киборга повела линзой ствола, выискивая зародыши бунта. На мгновение и я заглянул в зеркальный зрачок, разглядев там собственное испуганное отражение. А вот у Лины нервы оказались покрепче моих. Ее поддержку я ощутил практически сразу – успокаивающий шепот на ментальном канале помог побороть судорогу мышц и вздохнуть полной грудью, успокаиваясь и уже уверенней глядя на брезгливо скривившегося куратора. Презирает он наше блюющее воинство…

Наконец, излучатель разочарованно сложился в транспортное положение и с тихим щелчком занял свое место за спиной капитана.

Люций жадно втянул ноздрями запахи крови и паленой плоти. Широко улыбнулся, на этот раз от души.

– Не сцать, салаги! Сдохнуть на Пятом Риме довольно сложно. Ставлю линкор «Ямато» против одноместного «Комара» – душа вашего умника уже отловлена эффекторами Реинкарнационной Службы. Образец генома у них есть, а единичный клон каждого военнослужащего выращивается заранее и плавает в ожидании своего часа в утробе матки-накопителя. Изымут, отмоют, зальют дамп памяти личности – а с вас его сняли в момент прибытия, пересадят с кристалла душу. И вуаля! Минус сорок килотонн денег за все удовольствие, но ведь живой! Ну, а начинка тела имплантами – за счет государства. Как-никак вы его собственность и карающий меч. А об остроте своего меча Новый Рим привык заботиться со всем тщанием. Тем более – сейчас, когда споры Роя нет-нет да проклевываются…

Мы медленно приходили в себя. Бессмертие? Кривоватое и дорогое, но все ж таки оно?

– …кстати о деньгах. Начинаете вы кисло, с нехилым долгом на личном счету. Впрочем, радуйтесь, что на вас нет семейных кредитов. Большинство из нас расплачиваются по займам, сделанным еще нашими прапрадедами, да лишат боги их славного посмертия! Курсантская зарплата – три сотни в месяц. Хватит, чтобы десяток раз поужинать в ресторане. Впрочем, обычно ужинать вас будут девчата из старших курсов. При погружении в вирт ставка утраивается. Так что в сумме вытянете около штуки в месяц. А это уже неплохо, сродни окладу разнорабочей из трущоб после обязательной социальной школы-двухлетки. Одна лишь разница – расходов у вас никаких, полный пансион!

Я не удержался и осуждающе качнул головой. Нехило Луций опустил Ботаника на деньги. Ему эта демонстрашка бессмертия обойдется в четыре года беспорочной службы…

– …по окончании учебы плата резко возрастает. Коэффициент насчитывает бухгалтерский ИскИн ВКС. В учет идет все – звание, выслуга, боевые, эффективность, трофеи и космос знает что еще. Разница в окладах двух пехотинцев одного отделения может достигать существенных величин. В том числе – в разы. Главное помните! Служба – это Долг! Флот – это Семья! Гибель – Честь! Следуйте этим правилам, и ваша учетка запестрит наградами и поощрениями!

Киборг выдержал паузу, подчеркивая важность сказанного. Затем продолжил:

– Ну а сейчас – сутки на отдых-знакомство-адаптацию, затем – пробное погружение в вирт и последующий глубокий нырок на всю дистанцию первого семестра. Две недели реала, или двести дней симулятора, считайте, кому как удобно. После – сервер ставится на паузу, а курсанты получают трехсуточный отпуск. Отгуляете, потешите блуд – если, конечно, силы останутся. Семя-то с вас и в капсулах сцеживать будут. Впрочем, это уже вторично…

Луций вытянул манипулятор и указал на виднеющиеся вдали строения:
– Группа, напра-во! К месту постоянной дислокации, бегом – марш!

Глава 5

Футуристического вида казарма вполне соответствовала временной эпохе. Больше всего она напоминала капсульный отель в современном аэропорту. Длинное помещение с пружинящим стерильно-белым полом и разлинеенной «взлеткой» центрального прохода для построений личного состава.

На торце – стойки с личным оружием, прикрытые мыльной пленкой силового поля. В основном импульсники плюс несколько легких рейлганов, исполняющих функции взводных пулеметов. Рядом, словно парадные доспехи в нишах древнего замка, раскорячились в нулевой готовности пара ББСов среднего класса. Поза скафандров несколько фривольна – спиной и нагнувшись, подставляя оператору откинутую пластину внутреннего доступа. В случае нужды можно облачиться за считаные секунды.

Я довольно слабо представляю себе энерговооруженность бронескафа, но в том, что один штурмовик в ББС способен раскатать танковый батальон двадцать первого века, даже не сомневаюсь. Технологическая пропасть – словно между тем же панцером и тремя десятками королевских мушкетеров.

По сторонам арсенальной пирамиды – прозрачные пластиковые пеналы в три этажа.

Капсулы номерные, завязанные на владельца. Внутри узкое ложе с вязким гравитационным матрасом, конфигурируемая мебель для дневного отдыха и самоподготовки. Довольно аскетично, даже по меркам моей московской однушки, – крохотный столик, низкое полулежачее кресло, экранные голопроекторы и ажурная нашлепка простенького медийного центра.

Как пользоваться техникой, нам не объяснили – тащившая службу дневальная с блудливыми влажными глазами и многообещающей улыбкой уверенно заявила: времени на развлекуху не будет. А если и появится свободная минутка – то добро пожаловать этажом выше, в расположение доблестных курсанток потока «пси-снайперов», прослуживших чуть меньше чем «до фуя» – три года вирта и пять месяцев реала.

И не стоит выкобениваться и жаловаться по инстанции! Мы «долговые рабы без гражданства», а не напыщенные аристо. Должны радоваться и приветственно вилять к-хм… ну пусть будет – хвостом, отвечая на ласку будущей элиты космопехоты! Да если мы хотим знать, лично у нее, доблестного сержанта Ливии Круз, две дюжины вирт-выходов «в поле»! Полторы тысячи подтвержденных целей на учетке, из них восемь – легкие боты пехотной поддержи, разобранные соло при помощи древней баллистической винтовки!

Стоя чуть в стороне, за пределами радиуса пассивной чуйки ветерана сетевых баталий, я улыбался: девчонка… Ей ведь лет семнадцать, вряд ли больше.

Ливия продолжала вещать, жарко убеждая нас в насущной необходимости отдаться именно их отряду.

Ведь по результатам неофициальной лотереи и внутренней табели о рангах учебки наша группа досталась именно их доблестной «седьмой» роте! Предыдущих «государственных закупов» подмяли под себя старшие курсы, что есть жуткая несправедливость, ибо достойней «псиоников поля боя» нет и быть не может!

Наши парни ходили как пришибленные – персональные аптечки щедро щиряли успокоительным, спасая от истерик и вывихов сознания. Причем крышу сносил не столько сам факт попаданства в будущее – да фиг бы с ним! Перенос скрашивался немалыми бонусами – большинству из нас крепко подлатали здоровье, да и обещанные суперспособности грели воспитанные Голливудом души.

Плюс потенциальная статусность и нужность, величина заработков и туманные обещалки вернуть всех желающих домой после выплаты долгов и отработки стандартного срока кон-

тракта. Все это смазывало первичный шок переноса. Но вот деформация базовых половых инстинктов тяжелым нокаутом лупила по мозгам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.